

Искорка

ЛЕНИЗДАТ ★ 1957

Девушка из Ташкента Гайсина Рауза и её подруга из Вьетнама.

Фото Г. Сафонова

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома
и Горкома ВЛКСМ

Юрий ЯКОВЛЕВ

Кругосветное путешествие

Я сегодня к сынку своему
повернусь:

— Уезжаю в Канаду,

К обеду вернусь!

Я прохожих спрошу:

— Как проехать в Канаду?

— Вам, пожалуй, ответят,—

И ехать не надо.

Вон, дойдёте до скверика,—

Там и Америка!

— Как попасть во Вьетнам?

— Надо ехать десяткой!

— А в Китай?

— На метро, с пересадкой.

Много дней пароходы плывут

до Цейлона,

А я еду туда на подножке вагона.

И ещё недоволен бываю:

До Азии

Ехал целых пятнадцать минут!

Безобразие!

Уезжаю в Алжир

На четвёртом автобусе.

И открыт целый мир

Предо мной, как на глобусе.

«Будет к вечеру дождь!» —

Сообщают в эфире.

Это значит, что дождик пойдёт

в целом мире.

По Америке горной,

По Африке плоской

Будет весело дождь барабанить

московский.

Но в столице весь мир

От дождя защищается.

Объявляется:

— Капать дождю воспрещается!

И, как в сказке волшебной,

Дождя-безобразника

Удалят вместе с тучами

С нашего праздника.

Вот такой она стала,

Москва фестивальная.

Стало близким в столице

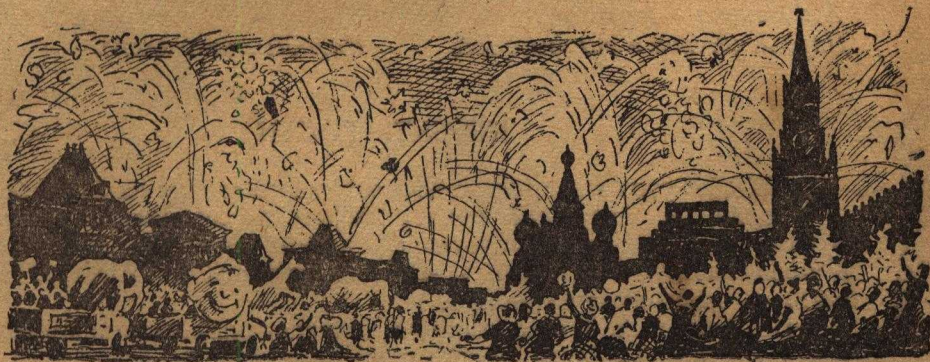
Всё самое дальнее.

И пускай расстояние

Снова растянется,

Но сердечная близость

Навечно останется!

Пять лепестков

РЕПОРТАЖ О VI ВСЕМИРНОМ
ФЕСТИВАЛЕ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ

Мы приехали в Москву в конце июня, ровно за месяц до начала фестиваля. Город встретил нас цветами. Нет, это не были торжественные букеты, которые преподносят при встречах. Разноцветные ромашки — огромные, как раскрывшиеся парашюты, и маленькие, как искорки, — смотрели отовсюду: с балконов домов, со стёкол машин, с костюмов прохожих.

Присев на корточки, художники выводили такие же цветы на стенках ларьков, на фургончиках с газированной водой...

У всех ромашек было по пяти лепестков: красному, зелёному, жёлтому, синему и коричневому.

Цветок с пятью лепестками — эмблема VI фестиваля. Цветок символизирует весну, молодость. Пять лепестков — это условное изображение пяти континентов Земли. В центре цветка — лозунг: «За мир и дружбу!» Народы нашей планеты должны бороться против войны, за счастье простых людей, — как бы говорит фестивальная ромашка.

Вот почему свой репортаж о том, что было в июле и августе 1957 года в Москве, мы называем «Пять лепестков». Ведь это рассказ о встрече людей пяти континентов, молодых борцов за мир.

Под небом звонкой синевы
Асфальта гладь зеркальная...
Цветёт на улицах Москвы
Ромашка фестивальная.
Её здесь нежно бережёт
Толпа разногolosая,
Болгарка розою зовёт,
А китаянка — лотосом...
Пять лепестков в ромашке той,

Как в сказке, разноцветные —
Пять континентов — шар земной...
Цветут цветы приметные!
Они здесь нынче расцвели,
Чтоб знали все прохожие:
Мы

с одного цветка —
с Земли —

Народы разнокожие.

ПЕРВЫЕ ГОСТИ

КАЖДОЕ утро в вестибюле многоэтажного здания на Зубовской площади, 3, дежурный меняет цифры в специальном календаре. В отличие от обычных календарей цифры здесь не увеличиваются, а уменьшаются. «25...», «24...», «23 дня осталось до Шестого Всемирного», — напоминает календарь.

На Зубовской, 3, помещается Международный подготовительный комитет фестиваля. Здесь вместе с представителями Советского Союза

работают молодые люди из разных стран. Ведь на фестивале ежедневно должно происходить 350—400 различных праздников, собраний, встреч, концертов! Ко всему этому надо подготовиться.

Очень много забот у Международного комитета! Эти заботы и составляют считать здесь дни, оставшиеся до фестиваля. А в первых числах июля нам довелось услышать такой разговор. Работник комитета говорил с кем-то по телефону:

— Что вы меня убеждаете, что до фестиваля осталось 22 дня, когда на самом деле до фестиваля осталось всего 528 часов?!

Фестиваль приближался.

И вот со всех концов земли в Международный подготовительный комитет фестиваля посыпались телеграммы:

«Готовы к отъезду».

«Выезжаем».

«Едем».

Плывут по морям пароходы, и над зелёными, синими, серыми волнами морей и океанов звенят песни.

Поют чёрные, как ночь, суданцы из Хартума, шоколадные арабы и бедуины из Сирии и Ливана, смуглые, опалённые солнцем бразильцы, мексиканцы, уругвайцы, скотоводы из далёкой Австралии.

Звонят над морями песни, плывут в Москву.

Десятки самолётов поднимаются с аэродромов всех частей света. И в синем небе с рёвом моторов спорят юные голоса.

Поют студенты из Сорбонны, металлурги из Англии, рыбаки с острова Сардиния, молодые охотники из канадских лесов.

Звонят над белыми облаками песни. Летят в Москву.

От десятков перронов отходят поезда... В торопливый стук колёс вплетаются песни. Взлетают над виноградниками Болгарии, над горами Албании, над рисовыми полями Китая, над суровыми фиордами Скандинавии. Едут в Москву.

А Москва добрым сердцем слышит эти песни. Ждёт гостей, охваченная радостным нетерпением, красивая и величественная, как никогда...

Сотни тысяч заботливых молодых рук украшали её яркими полотнищами государственных флагов всех стран, гирляндами цветных лампочек, сказочными драконами, богатырями, силуэтами танцующих девушек, изображениями зверей, птиц и рыб.

—□—

Маленький кубинец Лассарито Пенья хоть и устал от объятий друзей, но стойко держится перед объективом фотоаппарата.

—□—

Засияли сады и парки, площади, улицы и переулки нашей Москвы — города фестиваля, города Мира и Дружбы!

Вот и утро 19 июля. У Ярославского вокзала огромная толпа. Выстроились в ряд два десятка, украшенных флажками и эмблемами фестиваля, автобусов. Вместо номеров на них надписи на русском и китайском языках: «Китай».

На перроне — сотни молодых москвичей с букетами цветов. Утренний ветер развеивает белые флаги фестиваля, надувает, как паруса, полотнища с надписями на разных языках: «Добро пожаловать!».

К перрону медленно подходит поезд «Фч» — «Фестивальный чрезвычайный»... Последний поворот колёс, и на московскую землю ступают первые гости — посланцы великого Китая.

Навстречу им гремят оркестры, и на каждой трубе радостно сияют солнечные блики. Сотни рук встречаются в дружеских рукопожатиях. Где-то кричат «ура», где-то вспыхнула песня. Перемешались приезжие и москвичи, гости и хозяева, китайская и русская речь.

Маленькие москвичи-пионеры сразу же отыскивали китайских ребят, и вот уж идут в обнимку, как старые близкие друзья, маленькая москвичка и девочка с далёкого Памира, мальчишка из Пролетарского района и его сверстник из Пекина. Они ещё не успели узнать, как зовут друг друга, а их уже водой не разольёшь.

А перрон расцветает всё новыми красками. Идут стройные девушки Китая в розовых, жёлтых, нежно-голубых, сиреневых длинных платьях, с цветами в волосах. Идут юноши в лёгких светлых костюмах, забывшие про дорожную усталость, счастливые.

Вот юноша со скрипкой в чёрном лакированном футляре. С лица его не сходит улыбка. Он медленно движется по перрону, не пропуская ни одного советского человека. Каждому он протягивает руку и говорит два русских слова, которые знает: «здравствуйте» и «хорошо». Ему хочется пожать как можно больше дружеских рук.

Один из гостей, видимо от волнения, вместо «здравствуйте» кричит «до свиданья». Кругом добродушно засмеялись, но все поняли, что он хотел сказать.

Гости и хозяева выходят на площадь к небольшой трибуне.

— Дорогие друзья, дорогие наши братья и сёстры! Примите самый горячий и искренний привет от москвичей!

Гремит многоголосое «ура». Сотни букетов взлетают над головами.

Москва встречает первых гостей.

ПОМОГАЯ ДРУГ ДРУГУ

Не всем делегатам легко было добраться до Москвы. Правящие круги некоторых государств были против поездки делегатов на фестиваль. Поэтому так бурно встретили на стадионе имени В. И. Ленина в день открытия пять представителей

Они подружились.

Сальвадора. Эти юноши не получили в своей стране визы на выезд. Но так велико было их стремление на праздник дружбы, что никакие препятствия не помешали им выехать из Сальвадора нелегально, пересечь десятки границ других государств и быть представителями своей страны на фестивале. По известным причинам мы не сообщаем их имён, ведь в их стране юношей будут преследовать за то, что они подняли свой голос за мир и дружбу.

Не пустило на фестиваль своих делегатов и правительство Турции.

Отказалось выдать визы многим делегатам правительство Японии. Пятьсот юношей и девушек должны были приехать на фестиваль. Но разрешение получили только 50. Тогда некоторые делегаты приехали в Токио, пришли на площадь перед зданием министерства иностранных дел, уселись прямо на панели и объявили голодовку в знак протеста против незаконных действий своего правительства. И правительство было вынуждено пойти на уступки, выдать визы ещё 100 делегатам японской молодёжи.

Перед отъездом мексиканской делегации 16 балерин были уволены из театра. Но это не остановило девушек. Несмотря ни на что, они приехали в Москву, чтобы показать представителям молодёжи всех стран яркое искусство Мексики.

Но не только препятствия, чинимые некоторыми правительствами, мешали делегатам добраться до Москвы. Было очень трудно со средствами.

В августе 1956 года Международный подготовительный комитет Шестого Всемирного фестиваля обратился с призывом создать всемирный фонд фестиваля.

Вот что рассказал член австрийского подготовительного комитета Курт Оберхофер:

— Немало хлопот было у нашей молодёжи со сбором средств на подготовку к фестивалю, на поездку в Москву.

Почти всю Австрию обошли небольшие листки с лаконичной надписью: «Один шиллинг — один километр в Москву». Только в Инсбруке, столице провинции Тироль, молодёжь собрала свыше трёх тысяч шиллингов в пользу фестиваля.

Гиллермо Нуньес, художник-декоратор одного из театров Сант-Яго, рассказывал:

— Наш фестивальный комитет много сделал для того, чтобы чилийские девушки и парни смогли поехать в Москву. Комитету помогали все чилийцы, которым дороги мир и дружба на земле.

Мы издавали альбомы картин художников Чили, проводили концерты и соревнования, конкурсы и встречи.

Кто-то из ребят предложил выпустить небольшие билетки. На каждом из них было написано: «Один километр на Москву».

Сколько неповторимой стремительности и огня в танцах колумбийцев!

Всякий, кто брал такой билетик, платил одно песо. За несколько месяцев тысячи чилийцев купили эти билетики.

И вот благодаря помощи друзей мы в Москве и можем приветствовать фестиваль нашим чилийским приветствием:

— Чи-чи-чи, ле-ле-ле, делегадос де Чиле!

Нам довелось увидеть замечательный концерт лондонской молодёжи. После концерта мы познакомились с молодыми исполнителями, и они нам рассказали, как оркестр уличных музыкантов, во главе с замечательным скрипачом Бобом Кларком, и группа танцоров выступали каждое воскресенье на одной из площадей Лондона, собирая деньги на дорогу в Москву.

Так, помогая друг другу, помогая делегатам дальних, особенно колониальных и зависимых стран, молодёжь собирала средства для своих посланцев на Всемирный фестиваль.

ДЕНЬ ОТКРЫТИЯ

«НИ в сказке сказать, ни пером описать», — эту поговорку вспомнили, наверное, все журналисты, которые были на празднике открытия VI фестиваля и которым надо было отсылать отчёты в свои редакции. На следующий день несколько газет вышло под одной и той же шапкой: «Грандиозно!»

И произошло это не от бедности словаря газетчиков, а потому, что нет более точного определения празднику в Лужниках, чем слово «грандиозно».

Людской поток устремился к стадиону с утра, хотя начало праздника было назначено на 2 часа. Сколько встреч, знакомств, бесед происходило на асфальтовых дорожках вокруг Большой арены в часы, предшествовавшие открытию! Вот группа советских спортсменов беседует с индонезийскими футболистами. Вот какой-то мальчуган с любопытством смотрит на причудливый барабан в руках негра. Мы встретили здесь наших старых друзей — болгарских писателей.

Всем хочется, чтобы быстрее настал долгожданный миг открытия фестиваля.

Ждать приходится не до 2-х, а до 3-х часов. Почему? Диктор, объявивший по радио про задержку, объяснил так: «По вполне понятным для вас причинам, дорогие друзья».

Дело вот в чём. Делегаты фестиваля ехали к стадиону на открытых машинах. Путь их лежал через весь город. И везде их машины окружали тысячи москвичей, требуя выслушать приветствия, принять подарки. Вот и поспей к стадиону вовремя!

В 3 часа над стадионом зазвучали фанфары. Десять девушек с букетами полевых цветов открыли шествие. Более 130 знамён стран — участниц фестиваля зашевелилось возле трибун. На стадион вошла первая делегация — Австралия.

«Ни в сказке сказать, ни пером описать!...» Стадион рукоплещет, кричит, смеётся, целуется, плачет. Ведь юность всего мира встречается здесь, на зелёном, как живая трава, гигантском ковре. Идут делегации Албании, Алжира, Аргентины...

Как разноцветны одежды! Как разноцветна кожа! Сколько красок, сколько лучистых глаз, сколько улыбок! Грандиозно!..

Каждая страна стремится во время шествия показать свои танцы, спеть свои песни. Танцуют египтяне и бразильцы, юные негры; шотландцы идут под музыку своего оркестра.

Гром аплодисментов усиливается, когда на стадион выходит китайская делегация. Это, пожалуй, самая живописная колонна. Китайские

девушки в ярких шёлковых платьях. В руках у них цветы. Китайские юноши исполняют во время шествия танец с драконом.

Перед каждой делегацией советские представители несут транспаранты с названием страны: «Корея», «Мексика», «Парагвай»...

«Самоа» — читаем мы на транспаранте. Далеко Самоа от России, от Москвы. Нелегко оттуда приехать! В колонне Самоа... один человек. Но аплодисментов и поцелуев он получает не меньше, чем делегаты какой-либо другой страны, вместе взятые.

Больше часа длится шествие делегатов. Финляндия... Цейлон... Чехословакия...

Вот в воротах стадиона появляется советская делегация. Юноши в светлых костюмах, девушки в лёгких платьях. Советскую делегацию трибуны встречают стоя.

На митинге, посвящённом открытию фестиваля, выступают представители пяти континентов: Чинтамони Паниграхи (Азия), Чарльз Брезланд (Австралия), Роже Ферейра (Америка), Комфорт Тей (Африка), Антуан Омон (Европа).

К микрофону подходит Климент Ефремович Ворошилов. Он говорит о том, что Московский фестиваль — замечательное событие.

«Глядя на вас, — обращается он к делегатам, — хочется сказать, что в нашу древнюю Москву, на нашу землю второй раз в этом году пришла чудесная весна».

А когда Климент Ефремович произносит:

«Дорогие и милые друзья!

Берегите мир, объединяйте свои молодые силы для его защиты», — тысячи белокрылых голубей поднимаются в небо.

Стадион поёт Гимн демократической молодёжи. Флаг фестиваля поднят!

В небо смотреть некогда: на поле стадиона столько интересного! Но давайте всё-таки на секунду бросим свой взгляд вверх.

В небе не только голуби. Видите, как высоко над Москвой плывёт целый «Млечный путь» флагов! Флаги подняты туда на воздушных шарах. А вот ползёт ввысь аэростат. Он тянет на тросе огромную эмблему фестиваля. Эмблема загорается над стадионом, как новая, яркая звезда.

Делегаты покидают поле, рассаживаются на трибунах. Уже темнеет. Загораются прожекторы.

Несколько часов длится выступление советских спортсменов. Каждый номер восторженные трибуны встречают овациями.

— □ —
„Мир и дружба! — звучало на улицах Москвы.
— □ —

Заканчивают спортивные выступления студенты Москвы: 5.000 человек на зелёном ковре стадиона рисуют флажками.

Спортсмены
в руки взяли флажки,

И с помощью
этих рук

Вмиг
превращаются Лужники
То в море,

то в лес,
то в луг.

И солнечный
жаркий
июльский день

Плещет со всех сторон!
Но вот
ложится чёрная тень

Бомбы
на стадион.

Плечом к плечу трибуны встают,
И — никого в стороне:

Японцы, и немцы, и негры тут
«Нет» говорят войне.

И словно
порывом этим одним
Людей, поднявшихся с мест,
На чёрную бомбу

огнём голубым
Смертельный положен крест.
И снова дали морей, степей
Нам в Лужниках видны...
Люди! Мы с вами бомбы сильнее,
Мы с вами сильнее войны!

И НАЧАЛИСЬ ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ДНИ...

АХ, как много солнца в Москве! Как много песен, цветов, разноязыкой речи!

На углу улицы Горького и Охотного ряда — огромная толпа. Кого это окружили люди плотным кольцом? Негра. Чёрный, как смоль, он стоит, прижатый к стене, и улыбается в ответ на приветствия.

— Как ваше имя? — спрашивает его белокурая девушка.

Негр не понимает вопроса.

— Как ваше имя? Меня зовут Аня. А вас?

Негр улыбается и снова не понимает.

— Ай... эм... Аня... Ват хиз нейм? — спрашивает Аня по-английски, заглядывая в фестивальный разговорник.

Негр понял вопрос, но сообщает, что, кроме родного языка, он знает только французский.

В толпе находится человек, знающий французский.

— Его зовут Еме Пьер Етнда, — переводит он слова негра. — Он из Камеруна.

Камерун! Это ведь в Экваториальной Африке. Вот откуда приехал наш гость!

— Кто вы по профессии?

— Я студент.

— О! Здесь много студентов... В каком институте учитесь?

— В университете. Во Франции. На медицинском факультете.

— А курс?

— Второй.

— У вас есть отец, мать, братья, сёстры?

— Да. Отец работает на плантациях какао. Брат и сестра тоже.

Мне посчастливилось — меня смогли отправить учиться...

— Етнда, как вам нравится Москва?

— Замечательный город. Гостеприимный, весёлый.

— Етнда, обменяемся значками!

— Етнда, дайте пожать вашу руку!

— Етнда, пойдёте с нами гулять.

— Етнда...

— Етнда..

Однако оставим Етнду с толпой москвичей и пойдём дальше.

Стайка московских мальчишек сосредоточенно занимается своим делом, обменивает значки: за фестивальную ромашку они умудряются получить чешские, датские, английские, японские, чилийские значки. У деловитого паренька в широкой кепке значки уже не умещаются на груди — он нацепляет их на плечи, рукава и даже спину...

Где-то гремит африканский барабан «там-там», где-то звучат «Подмосковные вечера», а в сквере у Моссовета делегаты разных стран — каждый на своём языке — поют «Катюшу». Шумно, весело на улицах!

Давайте заглянем в какое-нибудь помещение. Это что? Политехнический музей? Что здесь сегодня происходит?

— Здесь собрались молодые строители всего мира, — охотно объясняет юноша, стоящий в дверях.

В зале множество народа. Какие забавные коробочки висят у всех на груди! Это маленькие радиоприёмники. Доклад у строителей идёт на финском языке. Его делает молодой рабочий — финн. Переводчицы повторяют его слова на английском, французском, немецком, испанском и русском языках. Настройте свой приёмник на нужный вам язык — и слушайте.

Горячо говорят рабочие о необходимости дружбы, сплочённости в борьбе за мир.

Об этом же говорят на своих встречах молодые крестьяне и фермеры, шахтёры и полиграфисты, текстильщики и железнодорожники.

Но хватит на сегодняшний день деловых встреч. Мы ещё встретимся во время фестиваля с представителями многих профессий из многих стран. Заглянем на эстрады садов и парков.

В Центральном парке культуры — международный концерт.

*Нас не раз за собой уводила
Под медлительно знойный напез
К жёлтым плёсам далёкого Нила
Танцовщица Наима Акеф.*

*И оттуда, из Африки, прямо,
Словно нет под ногами земли,*

*Мы к поющему сердцу Вьетнама
По бамбуковым мостикам шли.*

*Мы летели — менялись картины,
И концерт нас стремительно вёл
Через говор гитар Аргентины
И журчанье французских виол.*

Нет, не успеть увидеть всё интересное, что происходит сегодня в Москве! Недаром же кто-то подсчитал, что человеку потребуется 100 лет, чтобы обойти все концерты и встречи фестиваля.

Фестивальные дни начались...

Никого не смущали клетчатые юбочки шотландцев.

Фото Г. Сафонова

БОЛЬШИЕ ВСТРЕЧИ

ЭТО произошло 6 августа, вечером. В наступившей темноте по Охотному ряду к Манежной площади покатился огненный вал. Шли тысячи молодых людей с высоко поднятыми факелами. Их колеблющиеся пламя выхватывало из темноты строгие плакаты с короткими надписями на разных языках: «Атомное и водородное оружие запретить!», «Войны не допустим!», а то и просто изображение атомной бомбы, перечёркнутое словом «НЕТ».

Люди молча шли к постаменту, где лежал камень, привезённый из японского города Хиросимы, первой жертвы атомной бомбы. Они шли, чтобы почтить память сотен тысяч японцев, погибших от атомного взрыва.

И в тот момент, когда юная москвичка Наташа положила белые цветы на камень Хиросимы, делегаты фестиваля увидели волнующие кинодокументы. На гигантском экране возник чудовищный гриб атомного взрыва, его сменили искалеченные, дымящиеся корпуса многоэтажных зданий, исковерканные человеческие тела, плачущие дети — вся страшная трагедия японского народа.

И словно сошла с экрана чудом спасшаяся из этого ада делегатка Японии, жертва атомной бомбардировки в Нагасаки, Хисако Нагата.

Девушка сошла на гладь
бетона, —
Как красива, как стройна она! —
И в рябое рыльце микрофона
Тихо прошептала:

— Я больна.
Я двенадцать лет теряю силы...
Всем порывом юности своей

Друга я и недруга просила:
«Помоги мне, боль уйми, убей!..»
У меня в рубцах спина и руки
И бледнеет с каждым часом —

кровь.
Дорогие! Нагасаки муки
Никогда не допустите вновь!

Нагата ослабела от волнения. Её поддерживают девушки, стоящие рядом. Неожиданно к Нагате подходит седая женщина. Она обнимает, целует её и дарит маленький платочек. Это — мать Шуры и Зои Космодемьянских. И ей война принесла много горя. Обнявшись, словно мать и дочь, они спускаются с трибуны.

Выступает вице-председатель Всемирного Совета Мира Джеймс Эндикотт, представитель Индии Рамлал Парик, Алексей Маресьев. Все они клянутся защищать мир.

И вместе с ними клянутся защищать мир тысячи делегатов, стоящих на площади.

Это была большая и незабываемая встреча!

Не забудется и встреча в парке Останкино, где также собрались тысячи делегатов, чтобы выразить чувство дружбы и солидарности с народами колониальных и зависимых стран.

По тёмной воде Останкинского пруда бесшумно скользят навстречу друг другу плоты. На каждом — представители трёх рас — чёрной, жёлтой и белой. В руках у них факелы. Плоты приближаются к центру пруда, где на бамбуковых сваях сложен огромный костёр.

Свет и музыка пронизывают берёзовые рощи парка.

Сухой валежник вспыхнул вдруг,
Как знамя, броско.
Костёр жгут негры, а вокруг
Растут берёзки.

Дрожат берёзки тут и там
От жарких пятен.

Быть может, барабан «там-там»
Им непонятен?

И резок звук и речь нестра...
Но ты послушай:
Басами негры у костра
Поют «Катюшу».

Было и ещё несколько больших встреч на фестивале. И среди них, конечно, запомнится бал в Кремле.

Немало гостей повидали на своём веку древние стены Кремля, но такого дружного веселья не припомнят даже они.

Глашатаи, стоящие у Спасских ворот, охрипли, выкрикивая названия стран, из которых пожаловали гости на бал. А у выстроившихся вдоль Москвы-реки теремов девушки не успевали угощать желающих пряниками, калачами, ржаными лепёшками, хлебным и клюквенным квасом, бубликами и прочей снедью.

Скоморохи не успевали завязывать глаза жаждущим впервые сыграть в жмурки, накинуть кольца на шеи гусей или, покрутившись, толкнуть ногой неуловимый мяч.

Возле Успенского собора танцевали румынскую «периницу», на Ивановской площади смотрели русский балет, дивились на ряженных и слушали фанфаристов, находившихся на колокольне Ивана Великого.

Нет, недаром делегаты фестиваля назвали этот бал Кремлёвской сказкой.

ТО, ЧТО ВОЛНУЕТ

О САМОМ фестивале и о том, что связано с ним, конечно, не рассказать полно в этом коротком репортаже. Но об отдельных деталях, порой даже незаметных, очень хочется рассказать.

На перроне Киевского вокзала мы встретили гвианца Жебюса. В петлицу его пиджака был вдет колосок пшеницы. Нас заинтересовало, откуда у гвианца эта пшеница. И нам рассказали:

— На одном маленьком разъезде, где, кроме сторожки путевого обходчика да огромного поля пшеницы, ничего не было, Жебюс соскочил с поезда. Он подбежал к краю поля, остановился и, жадно раздувая ноздри, глубоко вздохнул. Ему хотелось уловить запах этого бескрайнего моря пшеницы. Жебюс бережно сорвал колосок и вставил его в петлицу пиджака, как один из самых дорогих подарков советской земли.

Ведь он был тоже хлеборобом, гвианец Жебюс!

Это волнует.

На том же Киевском вокзале мы встречали посланцев Франции. Они прошли по празднично убранному перрону и остановились у монумента В. И. Ленина.

Ленин!.. С его именем связаны все самые светлые надежды простых людей всего мира.

Члены делегации Жан Сулей и его товарищ Луи Шарпантье подошли к монументу со знаменем Франции и медленно склонили знамя. Потом бережно положили к подножию свои букеты. Их примеру последовали другие французские юноши и девушки, и через несколько минут у монумента В. И. Ленина вырос холм живых цветов.

Это волнует.

* * *

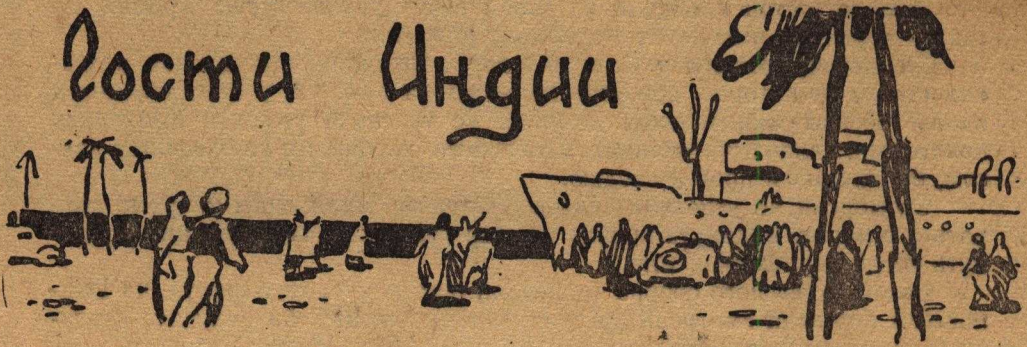
11 августа на празднике закрытия фестиваля Международный комитет фестиваля выступил с заявлением.

Оно заканчивалось так:

«В торжественный час закрытия нашего фестиваля мы приветствуем всех юношей и девушек, всю молодёжь мира и говорим им: мир и счастливое будущее можно построить, если народы и молодёжь будут всегда жить дружно, как это было на нашем фестивале. В дружбе народов и молодёжи — залог мира. Будем всегда и повсюду крепить нашу дружбу, чтобы совместными усилиями построить на земле мир радости и счастья!

В добрый час, дорогие друзья! Больших вам успехов, счастливой вам жизни и будущего».

Гости Инди

(Отрывки из лирической поэмы)

I

Склонялась я к реке умыться,
И тень шарахалась по дну.
Блеснув полтинником, плотница
Стремглав летела в глубину.

За избами густел осинник,
И ноги шпарила роса.
И поутру тайл малинник
В своей прохладе чудеса.
Мир ограничен был, покуда
Не услышала из окон
Стараньем брата, словно чудо,
Обретший голос граммофон.
«Не счесть алмазов... — вдруг запел
он, —

Далёкой Индии чудес...»
И как-то сразу потускнело
Всё: клевера, овсы и лес.
Малинник обвисал малиной...
Забыв о лакомой еде,
Я шла слонов лепить из глины
И жемчуга искать в воде.
А брат твердил мне о факирах,
О Дели — городе большом.
И по истёртой карте мира
Водил тупым карандашом.
И мы тогда ещё не знали,
Об этой думая стране,
Что в университетском зале
О ней придётся слышать мне.

II

И вот однажды... Тише, тише...
И в зале смолкнул шепоток.
И к кафедре профессор вышел,
Исколесивший весь Восток.
«И так об Индии...» — встревожа
Мне память, тихо начал он.

...И снова тот же вечер —

тот же

С трубою рыжей граммофон...
И сразу с этого момента
Отчётливо казалось мне:
Дыханье затаив, студенты
Пошли по сказочной стране.
Гудели пёстрые базары
На многолюдных площадях.
Мелькали выцветшие сари.
Невольно вызывая страх,
Факиры на дорожной пыли
С точёным профилем камей
Спокойно чудеса творили,
С улыбкой укрощали змей.
За пай* и за хлеб насущный,
За горстку риса на обед
«Почищу обувь!» — звал тщедушный
Мальчишка в семь неполных лет.
Он видел ноги, ноги, ноги
Пришельцев из далёких стран.
Он отличал скупых и строгих
Хозяев давних — англичан.
Он не глядел в лицо чужое,
Но, обтерев бархоткой лак,
Сжимал за белой спиной
Бессильный маленький кулак.
Все униженья выносил он
Неблагодарного труда.
Но в нём уже копилась сила,
Ещё не видная тогда.
Но зрела ненависть слепая
В его мальчишеской крови...
Потомок гордого сипая
Вновь кулаки сжимал свои.

III

Жизнь семимильными шагами
Шагнёт — и снова года нет.

* Пай — самая мелкая монета.

И вот последний сдан экзамен,
Окончен университет.
Как исполнение желанья,
Как трудный жизненный урок:
Газета, первое задание —
Заметка на пятнадцать строк.
И я шагала утром рано,
Пугая сонных голубей,
Для встречи с первым капитаном,
Ходившим в дальний рейс —

в Бомбей.

...Раскрыт блокнот. Чиста страница.

И рассказал мне капитан,
Как вёз кубанскую пшеницу
Через Индийский океан.
И как в Бомбее у причала,
Когда прошла об этом весть,
Венками девушки венчали
Матросов из Страны Чудес.
И дети, видевшие муки
Под небом Индии родным,
Тянули худенькие руки,
Чтоб только прикоснуться к ним.
...Я снова вижу берег дальний,
Кипучее цветенье роз
И в небо врезанные пальмы,
Как на коробке папирос.
И тени,

словно тушь, плеснули,

И женщин сливовый загар,
И весь гудящий, словно улей,
Бомбейский праздничный базар.
Над жалкой рухлядью томится
С вопросом: «Что угодно вам?»
Старик с глазами сонной птицы,
Раскачиваясь в такт словам.
Полдневный зной наводит дрему...
Вдруг от матросских голосов
Пахнуло запахом черёмух,
Далёким таяньем снегов.
Как заклинанье в час намаза,
Старик бормочет всё одцо:
«Россия, рус голубоглазый,
Зерно, зерно, зерно, зерно!»
Такое и во сне не снилось

И не мечталось старику.
Надеясь лишь на божью милость,
Он много видел на веку.
Годами над резьбой из кости
Он задыхался, глух и слеп,
Но никогда доселе гости
Ему не привозили хлеб.
От них он уходил в испуге,
Как будто те несли чуму.
И никогда не жали руки
Они, как равному, ему.
...Беседа кончена. Прощаюсь.
Жму капитану руку.

Вдруг

Я по-иному ощущаю
Тепло его огромных рук.
Но как же не могу понять я
Ведь он —

и на душе светлей! —

Мне передал рукопожатья
Моих неведомых друзей!

IV

Мир открывается всё шире,
И расстояний дальних нет.
На самолёт ТУ-104
Уже заказан мне билет.
Лечу — и нет важнее событий!
Уже уложен чемодан.
Он первым был — земляк Никитин,
Пешком пришедший в Индостан.
Он дружбу нёс земле Востока.
И нынче, — Индия, встречай! —
Ткачиха, врач, шахтёр и токарь —
Летим гостями в этот край.
Склонюсь к реке я, замирая,
Услышу плеск иной воды.
Но словно здесь уже была я
И лишь ищу свои следы.
И мне, наверно, будет мниться,
Что те же, тень метнув по дну,
Блеснув полтинником, плотницы
Стремглав уходят в глубину.

ЮРИЙ Томин — молодой начинающий ленинградский писатель.

Рассказ «Когда охотник поёт», который печатается в этом номере «Искорки», он послал на конкурс, который проводился в связи со II Ленинградским областным фестивалем молодёжи.

Жюри конкурса удостоило рассказ молодого автора первой премии.

Ю. Томин

Рисунки Г. Праксейна

Когда охотник поёт

ДВА дня падал мягкий, задумчивый снег. Потом прояснилось. Над горизонтом на бледном небе дремлет пушистое солнце. Сквозь морозную дымку оно светит неярким оранжевым светом и похоже на рыжую лису, свернувшуюся в клубок. Толстыми ватными пальцами протянулись к небу ветви кустарника; на снегу распластались пухлые, чуть синеватые тени. Всё в лесу округлилось, стало сонным и ленивым.

Тихо в тайге зимой. Кажется, если крикнешь, то полетит твой крик над землёй на тысячи километров.

И, может быть, на другом конце земли родились звуки, спугнувшие старого, ворчливого глухаря. Сначала слышно только: «а-а-а... о-о-о... а-а-а...» Потом звуки складываются в слова, а слова в песню. На склоне появляется маленькая фигурка, быстро скатывается в ложбину, и вот из-за кустов выходит охотник.

Он останавливается и, сняв шапку, машет рукой солнцу.

У охотника счастливое лицо. Большие рукавицы болтаются на ремешке, перекинутом через шею. Охотнику жарко и весело. Даже лыжня за ним тянется не ровной полосой, а пляшет вразброс, ёлочкой: значит, ногам тоже весело.

А над тайгой плывёт песня:

*Солнце смотрит на меня,
Деревья смотрят на меня,
Все смотрят на меня
И удивляются,
Потому что я добыл соболя.*

У песни нет конца, как нет конца Андрейкиной радости.

Андрейке тринадцать лет; у него раскосые чёрные глаза, на макушке кустик торчат такие же чёрные волосы, рот полуоткрыт, будто он всегда чему-нибудь удивляется. Андрейка — эвенк. Но поёт он по-русски: в языке эвенков очень мало слов, которые можно сказать о самом себе, это — хвастовство. Но сегодня Андрейка не может сдерживать радости, и притихший лес, удивляясь, слушает нескромные слова по-

хвалы. Впрочем, кроме леса, никто не слышит, а он не расскажет...

Впереди показались два чума — зимнее становище бригады. Андрейка направляет шапку, надевает рукавицы. Теперь лицо его серьёзно, походка нетороплива. Откинув полог, он входит в чум. У очага сидит Иван Каптеев — отец Андрейки — и режет на дощечке мясо. Он поднимает голову, смотрит на сына и снова принимается за своё дело. Конечно, отец видел и соболя и то, как Андрейка изо всех сил хмурит брови, чтобы казаться серьёзным, но молчит. Первым говорит Андрейка:

— Здравствуй, отец.

— Здравствуй.

— Где остальные?

— Завтра придут, к вечеру.

Андрейка молчит. Молчит и отец.

— Дай нож, — говорит Андрейка, — шкурку снять надо.

— Что добыл? — спрашивает отец.

— Соболя.

Отец берёт пушистое тельце, растягивает за ноги, дует на мех и сопит от удовольствия. — Хороший соболь, сам сниму.

Андрейка смотрит на отца и, уже не в силах удержаться, улыбается во весь рот. В эту минуту Иван читает мысли на лице сына так же хорошо, как следы на снегу, и, чтобы доставить ему удовольствие, просит:

— Расскажи, как добыл.

Андрейка начинает рассказывать. Увлекаясь, он говорит всё быстрее и быстрее, забывая о том, что мужчина не должен говорить много.

Слушая, Иван Каптеев не забывает о деле: ножом надрезает кожу на лапках зверька, делает разрез сзади и снимает шкурку, выворачивая её, как чулок. Затем достаёт остальных соболей и долго смотрит, сравнивая. Отец не говорит ничего, но по тому, как он чмокает и качает головой, Андрейка понимает, что его соболь лучше. Пламя очага пляшет искрами на тёмной шерсти зверька: ость чёрная, с вороновым отливом, подшёрсток плотный и светловатый.

— Однако наша бригада в этот год первой будет, — говорит отец. Его щёки собираются в глубокие, похожие на следы когтей морщины, он, улыбаясь, смотрит на сына. Андрейка

вскакивает, выбегает из чума и кричит громко, просто чтобы крикнуть хоть что-нибудь:

— Хэй, Сагор!

Подбегает Сагор — белая, широкогрудая лайка. Андрейка запускает руки в густую шерсть, валит собаку на снег. Сагор, лёжа на спине, отбивается лапами и притворно рычит. Обоим весело.

Вернувшись в чум, Андрейка принимается за еду. Сагор за стенкой почувял запах мяса, он скулит и роет лапами снег у порога. Вдруг голос собаки становится ворчливым и злобным. Андрейка прислушивается. В морозном воздухе издали доносится поскрипывание: «хруп... хруп...» Шаги тяжёлые. Так не ходит ни зверь, ни охотник. Отец выходит наружу.

— Здорово, хозяин! — слышит Андрейка густой, хриплый голос.

— Здравствуй, — отвечает отец.

— Погреться пустишь?

— Заходи, пожалуйста, конечно, заходи...

Большой человек, согнувшись, влезает в чум. У гостя широкое красное лицо, брови светлые и такие густые, что, кажется, на лбу остались клочки шерсти от капюшона малицы. На подбородке сквозь щетину волос проглядывает покрасневшая кожа. Большими руками гость долго трёт щёки, поворачивая к огню то одну, то другую сторону лица. Заметив Андрейку, кивает ему: «Здорово, парень!»

— Кушай, пожалуйста, — говорит отец, подавая гостю мясо.

Пока человек ест, Иван и Андрейка разглядывают его с интересом, но молча. Когда гость утолит голод, он сам, если захочет, расскажет о себе. А не захочет, — встанет и пойдёт дальше. Ему пожелают удачной дороги, ни о чём не спрашивая. Таков закон тайги.

Насытившись, гость сам начинает разговор:

— Далеко до города? — Городом здесь называют районный центр, там есть больница, аэропорт, два магазина, больше сотни домов — конечно, город.

— Сорок километров, — отвечает отец. — В город идёшь?

— Туда... — гость мотает головой, и лицо его становится сердитым. — Третий день иду. Оленей так и не дал, собака!..

И гость принимается ругать человека, который не дал ему оленей. Оказывается, что «собака» — это Алексей Петрович Денисов, начальник экспеди-

ции, работающей поблизости. Иван Каптеев не раз возил продукты для этой экспедиции и знает, что Денисов не плохой, а хороший человек: вежливый, здоровается за руку, никогда не забывает спросить как здоровье жены и сына... «Почему «собака»? — думает Иван. Он не одобряет слов гостя, но в знак того, что слушает, вежливо кивает головой. Андрейке тоже не нравится, что гость говорит слишком много и шумно, но он — мальчик и не должен вмешиваться в беседу взрослых.

Неожиданно гость умолкает. Его взгляд останавливается на соболях, и Андрейке кажется, что гость даже как-то приподнимается в воздухе.

— Твои? — кивает гость на соболей.

— Наши, — отвечает Иван, радуясь, что разговор меняет направление! — Посмотри, пожалуйста.

Большие руки гостя вдруг становятся ласковыми и мягкими. Он кладёт шкурку на ладонь и осторожно гладит пушистый мех, затем берёт второго, третьего... Шумно вздыхает, кладёт шкурки на место и говорит:

— Продай соболей...

Иван смеётся как человек, который умеет понимать шутку. Гость тоже хочет гулко и залихватно. Сагор за стенкой начинает ворчать.

— Ну, так что ж, продашь? — повторяет гость. Он вынимает из-за пазухи пачку денег. — Деньги есть — заработал маленько...

— Нельзя — бригада охотилась, — отвечает Иван.

— Нельзя так нельзя, — соглашается гость. Он развязывает мешок, достаёт бутылку спирта, кружку. — Выпьем маленько?

— Разве сегодня праздник? — хитро прищуривается Иван.

— А ты пей и всё... Я угощаю!..

Гость наливает полную кружку. Иван отказывается, но гость настоячив. Иван выпивает одним духом и шумно втягивает воздух.

— Сильно! Здорово пьёшь! — хохочет гость. Он наливает ещё полкружки, протягивает Андрейке. Андрейка смотрит на него в изумлении.

— Пей! — кричит гость. — Какой же ты охотник!

Из вежливости Андрейка берёт кружку, но, когда гость отворачивается,

выплёскивает за спину пахучую голубоватую жидкость. А гость снова наливает и подаёт Ивану. Андрейка видит, что отцу совсем не хочется пить, он отказывается, но гость долго упрасивает, и Иван выпивает и вторую кружку. Бутылка почти пуста. Гость хлопает Ивана по плечу и смеётся:

— Здоров пить, здоров! — Сам он не пьёт, и из-под густых бровей глаза его настороженно ощупывают лицо Ивана. Иван сидит всё так же прямо и вежливо улыбается гостю. Гость хмурится: видно, на лице Ивана нет того, что он ищет. Осторожно, словно нехотя, спрашивает:

— Ну, так что ж, продашь? По две-сти рублей плачу...

— Нет, — улыбается Иван, удивляясь, что этот человек не понимает таких простых вещей. Соболей продать нельзя потому, что они принадлежат всей бригаде и их нужно сдать на пункт. И, наконец, на пункте за них дадут гораздо дороже.

— По триста!

Иван вежливо, но непреклонно отказывается.

— Да ты пьяный или нет? — изумляется гость.

— Однако нет, — говорит Иван, — никогда пьяный не был. Только тепло немножко. Ложись отдыхай, пожалуйста.

Гость недоволен. Андрейка слышит, как, укладываясь, он ворчит:

— Что же ему, чёрту, цистерну надо, чтобы захмелеть, что ли?..

Иван заворачивает соболей в камас, кладёт обратно в угол и вместе с Андрейкой выходит из чума, чтобы не мешать отдыхать гостю.

По-прежнему солнце чертит над лесом свой малый круг. Между стволами пролегли красноватые полосы. Деревья стоят неподвижно и молчаливо. Зимой, в безветрие, тайга спит даже днём. Тишина.

Вдруг из чума доносится стон. Иван оборачивается, слушает. Стон повторяется. Иван и Андрейка бегут к чуму. Гость лежит на шкурах согнувшись, уткнув лицо в малицу. Иван осторожно трогает его за плечо:

— Товарищ, почему кричишь?

— Плохо мне, — скрипит зубами гость, — заболел... Доктора надо... Болезнь у меня такая... приступ.

— Совсем плохо? — спрашивает Иван.

— Совсем... помереть могу...

Иван молча выходит из чума. Андрейка с жалостью смотрит, как корчится на шкурах большой и крепкий человек. Наверное, сильная болезнь. «Хорр! Хорр!» — доносится из тайги голос отца. Около чума останавливаются нарты с постелью из оленьих шкур.

— Вставай, пожалуйста, поедem в больницу, — говорит Иван. Гость стоит ещё громче. — Не могу ехать —

помру в дороге... Болезнь такая... Привези доктора.

— Совсем не можешь?

— Не могу...

Молча отец выходит из чума, падает на нарты, и вот уже вдали затихает мягкий олений топот.

Андрейка поворачивается к гостю и глазами встречается с его внимательным взглядом.

— В город поехал? — глухо спрашивает гость.

— В Баиху поехал.

— Далеко?

— Тридцать километров будет. Там доктор тоже есть.

— Ох... полегче, кажется... Отпустило, — кричит гость и приподнимается на колени.

— Лежи, пожалуйста, — говорит Андрейка, — может, правда помрёшь... Лежи лучше.

— Принеси снегу: лицо горит, — просит гость. Андрейка удивляется необычной просьбе, но идёт за снегом. Когда он возвращается, гость, стоя на коленях, завязывает мешок.

— Уходишь? — изумляется Андрейка.

— Надо идти. Понимаешь, малец, болезнь у меня такая: схватит — ну, думаю, помираю, а отпустит — хоть пляши.

Андрейка впервые встречается с такой странной болезнью, но ни на секунду у него не возникает мысль, что гость может сказать неправду. И гость, торопливо надев лыжи, уходит в тайгу. Его лыжня пересекает широкий след отцовских нарт и поворачивает на запад, к городу.

Сагор стоит рядом с Андрейкой и, провожая взглядом уходящего человека, тихо ворчит — он не любит людей, от которых не пахнет дымом, оленьими шкурами и порохом.

— Сагор, — говорит Андрейка, — Сагор, иди сюда, посмотри, какого я соболя добыл. — Андрейка входит в чум. Сагор нерешительно просовывает голову внутрь, всё ещё не веря небывалому приглашению.

Андрейка протягивает руку в угол чума, где на распалке сушится шкурка, но шкурки нет. Андрейка осматривается, ищет во всех углах — напрасно. Отец не мог взять её с собой, она ещё

сырая. Отодвинув постель, Андрейка видит, что остальных соболей тоже нет. И в то же время он хорошо помнит, что отец не брал их. Может быть, гость? Но тогда бы он сказал... Да и зачем ему?

Поискав на всякий случай ещё раз, Андрейка решает, что соболей всё-таки взял гость. Конечно, нечаянно: в чуме темно... положил в мешок, когда собирался. Больной человек — голова плохая.

Андрейка надевает лыжи и, оставив Сагора сторожить чум, бежит в тайгу по лыжне гостя. Гость идёт по нетронутому снегу и, видно, очень торопится. Андрейка догоняет его только через час, хотя второму идти по лыжне много легче, чем первому.

— Эй, постой! — кричит Андрейка. Человек останавливается и настороженно смотрит на приближающегося мальчика.

— Скажи... те, пожалуйста, — говорит Андрейка, вспоминая все правила вежливости, какие только знал, — соболя, может, у тебя... нечаянно... Везде искал — нет.

— Какие соболя? Те, что мне твой отец показывал?

— Да, да, — кивает головой Андрейка, радуясь, что человек понимает его сразу.

— Да ты что, малый?! Не брал я их. Зачем мне?

Андрейка привык верить людям. «И верно, зачем?..» — думает он. Ему становится неловко, что он побеспокоил взрослого таким глупым и обидным вопросом.

— До свиданья. Наверное, там... Плохо искал, — говорит Андрейка и, повернувшись, идёт обратно.

В становище он снова обыскал всё до последнего уголка: перетряхнул все шкуры, всю одежду и даже слезил на помост, где хранилось мясо. Соболей не было. Андрейку охватило отчаяние. Будь на месте отец, всё объяснилось бы сразу, но как может он, мальчик, справиться с этой непонятной и страшной бедой! Пропал труд целой зимы!

Мысли Андрейки снова вернулись к гостю. Он вспомнил, как тот уговаривал отца продать соболей, вспомнил внезапную болезнь и такое же внезапное выздоровление, и вдруг подумал,

что, может быть, этот человек не такой, как другие люди. Он не мог подумать «украл», этого слова он просто не знал, но другие слова всё настойчивее складывались у него в голове: «Был человек — были соболя, ушёл — соболей не стало». Может быть, гость пошутил? Или он хотел показать соболей своему другу и через день-два принесёт их обратно?.. Но тогда почему он ничего не сказал?

И, наконец, Андрейка решается. Он идёт в тайгу, разыскивает двух последних оленей, запрягает их в нарты и едет вслед за гостем. Но если соболя не у него?.. Вечным позором покроет себя мальчишка, осмелившийся дважды задать взрослому такой вопрос! Нет для человека обиды большей, чем недоверие! И всё же Андрейка едет.

Впереди показывается большая тёмная фигура. Человек очень торопится. Даже издали видно широкое пятно инея на промокшей насквозь от пота малице. Не оборачиваясь, он снимает на ходу мешок и некоторое время несёт его перед собой в руках, затем снова надевает и оборачивается. Глаза его тревожно ощупывают Андрейку, взгляд перебегает дальше по следу, но вторых нарт не видно. Мальчик один.

— Ну, чего тебе опять? — сердито спрашивает человек.

Андрейка разводит руками:

— Везде искал — нет... Посмотри у себя, пожалуйста.

— Я тебе уже раз сказал: нет у меня!

Андрейка смущённо молчит. Ну, как ему объяснить, что шкурки сами убежать не могут. Неожиданно человек приходит ему на помощь:

— Не веришь, давай посмотрим в мою мешке.

— Давай, — тихо отвечает Андрейка.

— Иди сюда, смотри, — человек развязывает мешок, вытряхивает его на снег. Тут моток верёвки, пачка табаку, тёплые носки, рубашка, смёрзшийся кусок хлеба, мясо, две банки консервов, но соболей нет.

— Видишь?

— Да... — мучительно краснея, отвечает Андрейка.

Стыдно, до боли стыдно становится ему за этого большого бородатого муж-

чину, который лжёт ему прямо в глаза. Он лжёт! Из-под застёгнутой второпях малицы выглядывает кусок камаса, в который завернуты соболя.

Андрейка опускает голову, слова замерзают у него в горле. Эта ложь настолько не похожа на всё, с чем ему приходилось встречаться в жизни, что он не знает, как поступить. А человек тем временем закидывает мешок за спину и говорит почти ласково:

— Беги, малый, назад, поищи ещё... Не могли они пропасть, здесь тайга — место чистое.

Андрейка, сжав губы, смотрит на морозное полукружие между лопатками удаляющейся спины, потом заворачивает оленей. Человек смотрит ему вслед, но мальчик не оборачивается. Съехав в ложбину, он останавливает оленей. Может, догнать и снова спросить? Но он опять скажет «нет». Разве может мальчик в лицо взрослому сказать: «ты лжёшь»? Нет, самому Андрейке в этом не разобраться, он поедет в город, попросит Патюкова помочь ему.

Патюков приезжал в станок года три назад и останавливался в доме Каптевых. Охотники водили его в тайгу и учили стрелять белку. Он стрелял дробью, и шкурки оказались никуда негодными, все в дырках. Охотники смеялись, а громче всех смеялся сам Патюков. Конечно, он не умеет стрелять, но зато умеет делать другое: после его отъезда в станке открыли школу, хотя учеников было всего пятнадцать. Патюков прислал рыбакам два новых мотора и сети, гибкие и прочные, хотя и говорят, что они сделаны из стекла. «Самый большой начальник в районе», — сказал о нём Иван Каптев.

Андрейка едет не торопясь — боится догнать человека в малице. Он не хочет снова видеть его лживое лицо и говорить с ним.

Показался город. Солнце село, и на востоке небо густо-синее, как чернила. В этой синеве растворилась торопливая фигура человека в малице. Он пошёл к аэродрому.

На единственной улице Андрейка разыскивает самый большой дом. Оставив оленей у входа, идёт по длинному коридору. По обеим сторонам — двери, за дверями тишина. Андрейка наугад

открывает одну дверь и жмурится от яркого света.

За столом, подперев ладонью подбородок, сидит светловолосый худощавый человек. Перед ним лежит кучка камней, сбоку — книга. Он берёт один камень, внимательно осматривает его со всех сторон, шепчет что-то про себя, затем смотрит в книгу и, довольный, улыбается. Андрейка подходит к столу:

— Здравствуй. Скажи, пожалуйста, где Патюков?

Человек приподнимает голову и с удивлением смотрит на мальчика в бакарях и оленьей парке, который умеет ходить так бесшумно.

— Здравствуй. Патюкова здесь нет, он теперь в Дудинке.

— Тогда до свиданья, я пошёл, — с огорчением вздыхает Андрейка.

— Пстой, пстой, — человек приподнимается из-за стола, — а ты кто?

— Каптеев Андрейка.

— Какой Каптеев? Из Сумарочихи, из Тыма? Везде Каптеевы...

— Из Баихи.

— Иван Каптеев — твой отец?

— Мой.

— Знаю. Он тоже здесь?

— Один пришёл, — говорит Андрейка.

— Один! Куда же ты торопишься? Раздевайся, садись, рассказывай... Будем чай пить. — Человек достаёт из стола сахар, наливает из большого термоса два стакана крепкого чаю, подвигает Андрейке стул.

От угощения отказываться нельзя, говорить сразу о делах тоже нельзя. Андрейка, скинув парку, присаживается к столу. Чай пьют молча.

Над самой крышей басовито рычит взлетающий самолёт; стёкла в окнах отзываются ему комариным звоном. Андрейка с любопытством разглядывает камни, разложенные на столе. Человек, перехватив его взгляд, говорит:

— Это руды. А вот нефтеносный песчаник. Эти камни добывают в нашем районе. А я с геологией знаком слабовато, вот и приходится доучиваться. Понятно?

— Понятно, — отвечает Андрейка. — Ты, наверное, в школе плохо учился.

— Наверное, так, — человек кивает головой и смеётся. Затем отодвигает стаканы. — Ну, теперь давай погово-

рим. Какая забота тебя ночью из тайги привела?

— Патюков совсем уехал? — спрашивает Андрейка.

— Совсем. Теперь я за него.

— Теперь ты самый большой начальник?

— Самый... Больше не бывает. Ну, рассказывай.

Осторожно подбирая слова, Андрейка начинает говорить:

— Пришёл в чум человек. Сидел, кушал... Говорит отцу: «Продай соболей». Как можно продать! — Андрейка разводит руками и заглядывает в лицо собеседнику: понимает ли? Начальник понимает. Он кивает головой: правильно! — Потом заболел, — продолжает Андрейка, — потом поправился... Отец уехал за доктором, а он ушёл. И соболей нет...

— Укра-а-ал? — удивлённо говорит начальник, и его светлые брови изгибаются на лбу дугами.

— Не знаю. Взял просто... Они у него тут, — показывает на грудь Андрейка.

— Где он теперь?

— В город пришёл. Я за ним ехал. Лицо начальника становится злым и бледнеет. «Зря сказал...» — думает Андрейка.

— Что же ты сразу не сказал! Ведь это же... Ты понимаешь, что это такое? Ах, гадина! — начальник морщит лоб, думает секунду, снимает телефонную трубку, сердито стучит по рычагу. Голос его резок:

— Милицию! Кто дежурит? Товарищ Васютин, зайдите ко мне. Срочно!

Через минуту в комнату входит широколицый запыхавшийся мужчина. Начальник показывает на растерянного Андрейку:

— У него сегодня из чума украли соболей. Забирайте мальчика — и в аэропорт. Найдёте — задержите, нет — оставьте дежурного. Дорога здесь одна, никуда не денется.

В двухэтажном бревенчатом домике аэропорта тепло и пусто. В глубоком кресле, вытянув ноги, сидит дежурный, позёвывает. Транзитный самолёт будет через час. Вдруг с грохотом распаивается дверь, и ещё с порога, из облака пара, несётся вопрос:

— Когда ушёл последний самолёт?

Дежурный узнаёт начальника милиции.

— Минут сорок...

— Пассажиры садились?

— Один.

— Какой он из себя? — спрашивает Васютин Андрейку.

— Большой, — отвечает Андрейка, — громко смеётся, ругается... Борода...

— Он самый, — изумляется дежурный. — А что случилось?

Васютин вместо ответа машет рукой.

— Да ты постой, — начиная понимать, говорит дежурный. — Ну, улетел, так ведь не прилетел ещё... В чём дело?

Васютин рассказывает. Андрейка видит: добродушное лицо дежурного темнеет, становится таким же злым, как у начальника в кабинете. Выслушав, дежурный произносит вразяжку:

— Какой же гад — человек, а?

— Да ты не тяни. Чего делать-то? — спрашивает Васютин.

— Чего — ничего, — успокаиваясь, говорит дежурный и подмигивает Андрейке. — Дадим радиограммку в Подкаменную. У тебя, вроде, там есть знакомые, попроси: встретят.

— А ведь точно! — восклицает Васютин. — Как сам не додумался!

— Пиши, пиши, ему ещё минут двадцать лететь.

Васютин пишет радиограмму и, облегчённо вздохнув, плюхается на диван. Ждут. Через полчаса радист приносит ответ. Васютин, надев очки, читает

вслух: «Преступник задержан. Изъято пять соболей. Завтра доставим район первым грузовым».

— Правильно! — с наслаждением произносит дежурный. — Так ему, воюге, и надо: грузовым.

Андрейка видит, что и Васютин и дежурный как-то сразу изменились. Как будто тёплый ветер прошёлся по их лицам, распрямил брови, разгладил морщины на лбу, стёр злые складки в углах губ.

— Ну, теперь порядок, — говорит Васютин. — Завтра твой соболя будут дсма. Ночевать где будешь, здесь? А то пойдём ко мне.

— Назад поеду, — говорит Андрейка, — отец искать будет — больной человек убежал, — и смеётся.

На тёмном небе пригоршни звёзд. Заснеженные кедры перемигиваются с молодой луной лукавыми блёстками. И везде — на земле и в небе — только голубое и чёрное. Скрипит снег под полозьями, и в такт ударам оленьих ног снова рождается и плывёт над ночной тайгой песня охотника.

Андрейка поёт о начальнике, который считает по ночам камни, о весёлом дежурном и о счастливом дне, который принёс ему столько новых друзей.

А человеку с красным лицом и лживым взглядом не находится места в этой песне.

Люди не должны долго помнить о плохом, потому что хорошего в жизни гораздо больше.

МАРТ 1957 г.

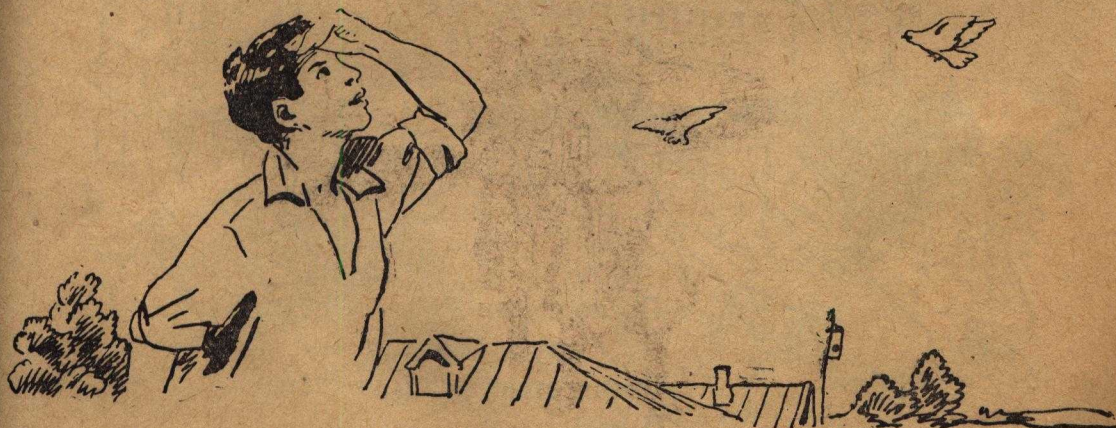

Крылатые посланцы

Козырьком ладонь ко лбу
приставив,
С теплотой и нежностью
в глазах
Он следит за голубиной стаей,
Медленно парящей в облаках.
И горит в его задорном взгляде
Гордость за питомцев за своих,
За равенье их, как на параде,
Белоснежных, пёстрых
и стальных.
Нет, не зря часами после
школы
Их кормил, поил, чтоб лучше
стали.
Получив приказ от комсомола,
Он растил подарок фестивалю.

Галя СУПОНИЦКАЯ

Рис. Е. Гороховой

Перепуткин на фестивале

Среди ленинградцев
Найдёте едва ли
Того, кто не ждал бы
Гостей фестиваля.
И вот, наконец-то,
Сегодня сказали:
— Друзья приезжают,
Их ждут на вокзале! —
Рюкзак сувениров...
Цветы-незабудки...
Торопится Компас!
Спешит Перепуткин!

Преподнести
друзьям букет
Препятствий не было
И нет! .

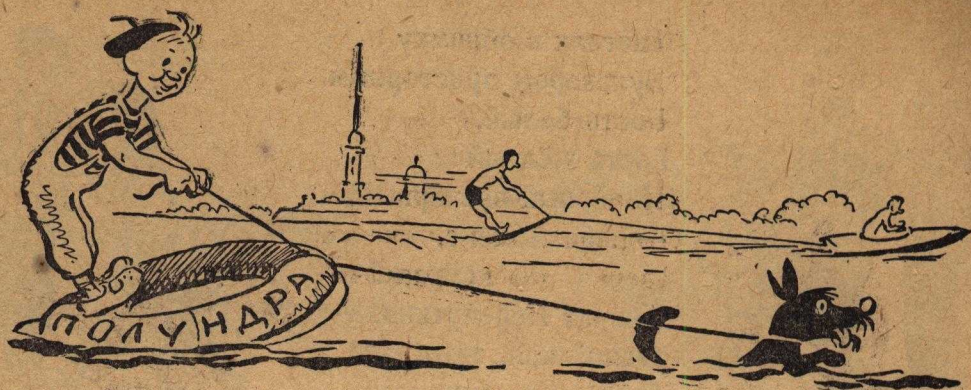
Шагали в обнимку
 Бульваром просторным
 Гость белый,
 Гость жёлтый
 И чёрный-пречёрный!
 — Айн мóмент,
 камраде! —
 Кричит Перепуткин. —
 Один лишь автограф!
 Одну лишь минутку! —
 Гость жёлтый берёт
 В свои руки блокнот
 И тут же
 Автограф на память даёт.
 До белого гостя
 Труднее добраться.
 А к чёрному...
 — Здрасьте!
 Прошу расписаться!

В любой обстановке
 Находчив Аркадий.
 Снимал он
 И сверху, и снизу, и
 сзади.

Без устали
 Щёлкал его аппарат.
 Проявлена плёнка.
 И вот результат...

По глади залива
Летят аквапланы.
Решил Перепуткин:
— И я не отстану.

Но разве добьёшься
Спортивной удачи
С мотором
В единую силу собачью?!

Сначала наш друг
Растерялся немножко:
Кому подарить
Хохотушку-матрёшку?

Но трудный вопрос
Разрешён без помех:
Подружек-матрёшек
Хватило на всех!

Перепляс! Перепляс!
 Каблуками стукнем враз.
 Да пройдем вдвоём
 чечёткой,
 Чтобы жарко стало нам.
 Оторвись, моя подмётка!
 Тресни, ложка, пополам!

Сюда! Скорей!
 Смотрите все!
 Эквилибрист на колесе!
 Единственный номер
 Во всём Ленинграде!
 Его для друзей
 Подготовил Аркадий.

— Той девушке, —
 Твёрдо решил
 Перепуткин, —
 Вручу я в подарок
 Мои незабудки. —
 Достались цветы
 Незнакомцу с усами...
 Ну, как не напутать,
 Судите вы сами!

Значками увешал
 Всю грудь Перепуткин
 Но это он сделал
 Совсем не для шутки.
 А как же иначе?
 Иначе нельзя!
 Ведь каждый значок
 Подарили друзья!

ПОЙ С ДРУЗЬЯМИ!

Музыка Д. Прицкера

Слова С. Фогельсона

1. КАЖДЫЙ ПОЁТ И ПЛЫШЕТ СЕГОДНЯ, ЗАБЫВ ПЕ - ЧАЛЬ. ПРАЗДНИК ЗОВЁТ, И

ТЫ ВСТОРОНЕ УСТОИШЬ ЕД - ВА ЛЬ... ЧТО ЖЕ ЗНАЧАТ, ЧТО ЖЕ ЗНАЧАТ ЭТИ ПЕСНИ, ВЕСЕЛЬЕ И

СВЕТАЯ ДАЛЬ? ЭТО НАЧАТ, ЭТО НАЧАТ МО - ЛО - ДЁЖ - НЫЙ ФЕСТИВАЛЬ! ВЫИ - ДИ

ТО - ЖЕ НА ПРАЗДНИК МО - ЛО - ДЁ - ЖИ, К НАМ ИДИ СКОРЕЙ, ХМУРИТЬСЯ НЕ

СМЕЙ! ПОИ СДРУ - ЗЬЯ - МИ. ТЫ ВИ - ДИШЬ ПЕРЕД НА - МИ СВЕТИТ ВСЁ ЯС -

НЕЙ СЧАСТЬЕ МИРНЫХ ДНЕЙ! Прочь, БЕ - ДА! Молодёжь ТВЕР -

1. 2. 3. - ДА, НЕ ОТ - СТУ. ПИТ, НЕ У - СТУ. ПИТ НИКОГДА! / СТУ. ПИТ НЕ У -

- СТУ. ПИТ НИКОГДА!

1.

Каждый поёт
И пляшет сегодня, забыв печаль.
Праздник зовёт,
И ты в стороне устоишь едва ль...
Что же значат,
Что же значат
Эти песни, веселье и светлая даль:
Это начат,
Это начат
Молодёжный фестиваль!

Припев:

Выйди тоже
На праздник молодёжи,
К нам иди скорей,
Хмуриться не смей!
Пой с друзьями.
Ты видишь: перед нами
Светит всё ясней
Счастье мирных дней!
Прочь, беда!
Молодёжь тверда,
Не отступит,
Не уступит
Никогда!

2.

Мы в этот миг
Друзей понимаем без лишних фраз,
Всюду язык
Искусства и спорта сближает нас.
В каждом зале
Засверкали
Нынче тысячи дружеских радостных
глаз.

Как мы ждали
Фестиваля!
И пришёл желанный час!

Припев.

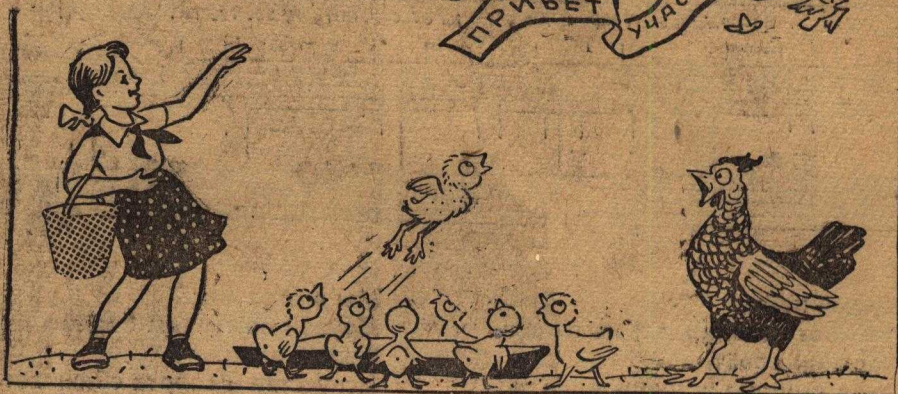
3.

Мы не одни,
Миллионы за нами шагают в ряд,
Сердцем они
Свободы и мира везде хотят.
И в Алжире
И в Каире
За отрядом встаёт молодёжи отряд,
И всё шире
В целом мире
Голоса друзей звучат.

Припев.

Рассказы в рисунках
Н. ЗВЕРЕВА

Такую стаю встретишь редко.
Туда! За нею! Ввысь и вдаль!

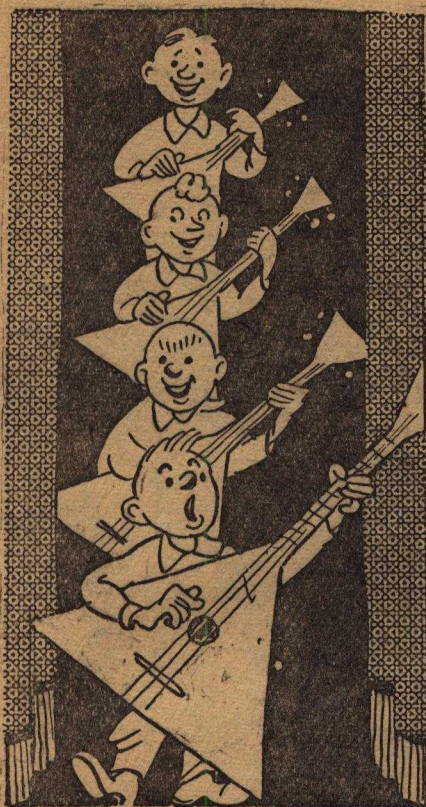
— Куд-куд-куда?! — кричит
наседка.
— Туд-туд-туда!! На фестиваль!!

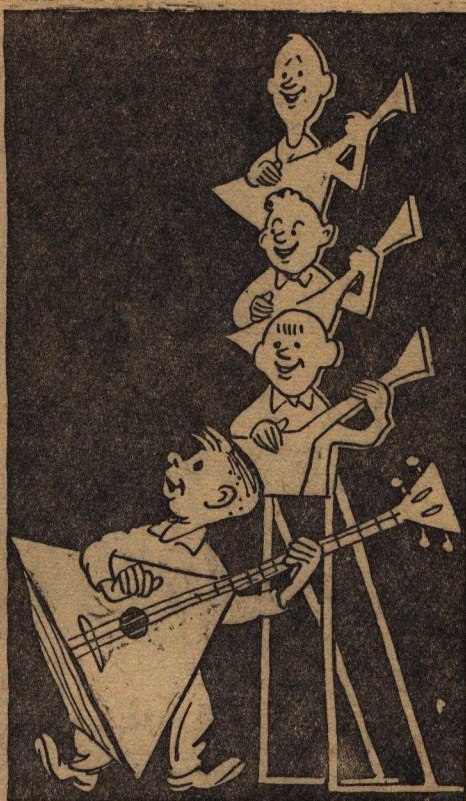
Этот чёрный великан
Прибыл к нам из жарких стран...

— Дядя, дайте нам автограф...
Ба! Да это наш Иван!

Звонит, заливается струнный квартет.
Но мы вам откроем квартета секрет.

Взгляните-ка сбоку: вот это талант!
Квартет заменяет... один музыкант!

Даже дядю Афанасия
К фестивалю мы украсили.

Вы, наверно, много слышали и читали о героях обороны Брестской крепости. В дни Великой Отечественной войны защитники твердыни над Бугом покрыли себя неувядаемой славой. Окружённые врагами, лишённые пищи и воды, больше месяца вели они неравную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

В этом очерке мы расскажем вам об одном из самых юных участников обороны Брестской крепости — трубаче 44-го стрелкового полка Володе Казьмине. Тогда, в начале войны, ему не было и 14 лет. Сейчас Владимир Казьмин работает инженером на одном из предприятий.

ЭТО совсем не походило на пробуждение. Это скорее всего было продолжением какого-то кошмарного сна. Так и подумал Володя в первую минуту.

Лежал он не на своей солдатской койке, а на полу, и не в казарме, а в совсем незнакомом месте. В казарме — белый потолок, голубые стены, а тут — ни стен, ни потолка не видно.

Всё окутано чёрно-бурым туманом, который пахнет порохом, би-

тым кирпичом и ещё чем-то тяжёлым, удушливым. В казарме по соседству спят его друзья. А тут никого, только перевернутые койки, рваные подушки и одеяла.

Да, это, наверное, сон. Нужно только проснуться, и тогда всё пропадёт, всё станет таким, как было вчера, когда он ложился спать. Володя ущипнул себя. Стало больно, но ничего не изменилось. Только чёрно-бурый туман как будто стал редеть. Володя хо-

тел подняться. Но что это? Володя испуганно посмотрел на руку: она была в крови. Сердце сжалось до боли. Он оглянулся. В стене казармы большая дыра. А вот и его друзья, вот они, скорей не они, а то, что от них осталось...

Быстрее, быстрее бежать! Осторожно обходя тела товарищей, мальчик начал пробираться к дверям.

В этот миг над головой оглушительно рвануло. С потолка посыпалась штукатурка, упала перед самым лицом дверная притолока. Володя прижался к стене, замер.

А за стеной гудело, рвалось, стонало. Через дыру в стене и вырванные двери было видно, как вспыхивали и гасли ослепительные огни, чёрными фонтанами подымались вверх глыбы земли и камни...

Война! И так неожиданно! Только вчера вечером, только вчера было так тихо, хорошо...

Нет, не может быть!

Выбежав из казармы, Володя быстро пересек двор и, прижимаясь к стене, начал пробираться к внешнему крепостному валу. Хотелось увидеть своих, переброситься с ними хотя бы одним словом. И если это на самом деле война, взять винтовку и стать в ряды защитников старой русской крепости.

Не беда, что тебе ещё нет и четырнадцати лет, не беда, что и ростом ты отстал от ровесников. Важно другое — уметь бить врага. А бить его Володя сумеет, пожалуй, не хуже взрослых бойцов. Недаром же на последних учебных стрельбах именно ему командир 44-го полка майор Гаврилов объ-

вил благодарность. Отлично стрелял трубач Володя Казьмин!

Мальчик шёл, а вокруг него непрерывно рвались снаряды и мины, визжали осколки, свистели пули. Со стороны Восточного форта доносился непрерывный треск пулемётов и автоматов, глухие взрывы гранат.

Там шёл горячий бой с врагами, там дрался полк, воспитанником которого был Володя. Вот туда и нужно было спешить.

На минуту мальчик остановился. Дорогу ему пересекла женщина с ребёнком на руках. Волосы у неё были взлохмаченные, одежда порванная, местами пропалённая. Но не это поразило Володю. Его поразили, даже испугали, её глаза. Широко открытые, неподвижные, они смотрели и смотрели на обгорелого ребёнка. Ребёнок был мёртв. Но женщина не видела или не хотела видеть этого. Она шла, спотыкаясь, и всё что-то шептала, шептала ребёнку...

По спине Володи забегали мурашки, к горлу подкатился тугой, горький комок. В глазах ярко встали тела друзей в разрушенной казарме, трупы других бойцов, и он окончательно понял: это война. Война, смерть, разрушения...

— Направляйтесь за мной!

Этот спокойный, чуть хрипловатый голос заставил Володю вздрогнуть: таким неожиданным был он среди непрерывного грохота. Мальчик оглянулся и увидел лейтенанта с автоматом на груди и гранатами за поясом.

Короткими перебежками — лейтенант впереди, а Володя за ним — добежали до Восточного форта. Бой был в самом разгаре. Прячась за танками, гитлеровцы шли в ата-

ку. В глаза Володи почему-то бросился один худой, длинный, с серебряными погонами и в высокой зелёной фуражке с белой кокардой. «Офицер» — мелькнула мысль.

Быстро пристроившись к красноармейцам, мальчик вскинул карабин и выстрелил. Длинный, взмахнув руками, повалился на землю.

— Вот тебе, фашистский

брошенная чьей-то сильной рукой связка гранат остановила другой танк. Вскоре запылал и третий. Остальные повернули обратно. Побежали назад и автоматчики.

Атака отбита. Стало как будто тише.

Но тишина была очень короткой. Не успели защитники Восточного форта свернуть самокрутку, как на

зверь! — сквозь зубы прошептал Володя и начал целиться в другого фашиста, который бежал с ручным пулемётом наперевес. И этот растянулся, не добежав до форта.

Но атака продолжалась. Поливая раскалённым металлом укрытие красноармейцев, на форт ползли танки, бежали автоматчики.

«Танк пулей из винтовки не остановишь», — с беспокойством подумал Володя и тут же радостно вскрикнул: на одном из фашистских танков вспыхнул огонь, и он, накренившись набок, горит. «Хорошо!».

Прошла минута, а может, две, и

форт снова пошли фашистские танки, ударила артиллерия, затрещали пулемёты.

И снова прижались к земле бойцы, снова один за другим начали падать гитлеровцы.

До самого вечера не прекращались атаки. Не жалея солдат, танков, боеприпасов, немецкое командование хотело во что бы то ни стало уничтожить крепость в первый же день своего вероломного нападения на страну Советов.

Но это врагу не удалось. Не удалось фашистам захватить крепость и на другой, третий, пятый день... Разрушались старые стены, редели

ряды красноармейцев, но те, кто оставался в живых, держались стойко, насмерть.

Как-то среди защитников Восточного форта во время затишья появилась девушка. Она искала трубача 44-го полка.

— Я — трубач, — отозвался Володя.

Девушка передала ему приказ командира полка майора Гаврилова отправляться в госпиталь на помощь санитарам.

Откровенно говоря, Володе не хотелось покидать форт. Здесь он принял боевое крещение, здесь впервые в жизни за храбрость ко-

мандир от лица службы вынес ему благодарность. Но приказ есть приказ. И Володя направился вслед за девушкой в госпиталь.

Госпиталь находился под внешним валом, в помещении с железобетонными перекрытиями и толстыми стенами. Возможность попадания сюда бомбы или снаряда была исключена. Врачи, санитары работали в относительной безопасности.

«Поэтому меня сюда и направили, — обиженно подумал Володя, — мол, маленький, ребёнок, беречь нужно».

Раненых было много. Одни бре-

дили в беспамятстве, другие корчились от боли и скрипели зубами, третьи лежали тихо, без движения, и смотрели в одну точку потухающими глазами. Это были тяжело раненные. Ни один легко раненый в госпитале не задерживался. Сделают ему перевязку, он закурит, подхватит винтовку — и наверх.

А в госпиталь приносили всё новых и новых. Врачи и сёстры не успевали их перевязывать, не говоря уже о том, что многих нужно было сейчас же оперировать. А тут ещё необходимо одних напоить, других накормить.

Всё это увидел Володя, и ему стало стыдно за свою недавнюю обиду на приказ командира. В госпитале он был, пожалуй, более необходим, чем на форте.

Будто в подтверждение его мыслей, мальчика позвал главврач:

— Ледник, знаешь, где находится?

— Знаю. Под внутренним валом.

— Иди и неси оттуда лёд и продукты для раненых. Только будь осторожным — местность простреливается.

Так Володя сделался снабженцем госпиталя.

Госпиталь — ледник, ледник — госпиталь, — по этому маршруту он пробирался по несколько раз в сутки. В одну сторону с пустым мешком, в другую — сгибаясь под тяжестью груза. И всё время завывали над головой снаряды, визжали мины. Володя уже научился улавливать по звуку, какая мина упадёт близко, какая полетит дальше. Думать о своей безопасности было некогда. Лёду и продуктов требовалось много, а доставлять, кроме Володи, некому, и он старался, выбываясь из последних сил. Невыно-

симо ныла спина, подгибались ноги, плыли перед глазами жёлтые круги, а мальчик шёл и шёл. Так было нужно, и так поступали все защитники крепости — они делали всё, что от них требовалось, всё, что могли делать. И Володя делал всё, что мог.

Однажды, вернувшись из ледника, Володя доложил главному врачу о своём прибытии и хотел повернуться «налево-кругом», но тут же упал на пол.

Врач встревоженно склонился над ним, пощупал пульс, и на его лице появилась печальная улыбка. Володя спал, что называется, мёртвым сном. Теперь стреляй возле самого уха из пушек, или обливай ледяной водой — не проснётся, пока не отоспится. Санитары бережно подняли мальчика и отнесли в самый далёкий угол госпиталя. Пусть поспит...

Володя не помнил, сколько времени проспал. Но когда проснулся, то почувствовал во всём теле лёгкость и свежесть. Он готов был снова работать без отдыха — таскать лёд, продукты, идти на форт и бить врага, вообще делать всё, что прикажут.

Мальчик так и доложил главному врачу:

— Трубач 44-го полка Владимир Казьмин готов продолжать службу!

Главный врач внимательно посмотрел в запавшие глаза мальчугана и совсем не по-командирски, а как-то тепло, по-отцовски, сказал:

— Вот что, Вовка, приказ тебе будет такой — сначала хорошенько поешь, а потом два часа можешь отдыхать.

Два часа отдыхать! Нельзя ска-

зять, что Володя обрадовался этому. Обрадовался он другому — два часа отдыха он проведёт на своём Восточном форте с карабином в руках. Это было как раз то, о чём он мечтал всё время, с тех пор как попал в госпиталь. Хотя сознание и говорило, что это глупость, что в госпитале он больше нужен, чем на линии огня, однако сердце рвалось туда, где шёл бой. И с этим Володя ничего не мог сделать.

Пробравшись на Восточный форт, где над головами защитников, которых осталось совсем мало, беспрерывно свистели пули и рвалась шрапнель, Володя почувствовал знакомый холодок кипучей ненависти к фашистам.

А те снова шли в атаку. Они знали, что на форте осталось очень мало людей, что большинство складов с боеприпасами похоронено под обломками стен и красноармейцы берегут каждый патрон, каждую гранату. Фашисты знали об этом и потому шли на приступ во весь рост, закатав рукава, не спеша и зловеще.

Красноармейцы молчали. Не стрелял и Володя, хотя давно взял на мушку правофлангового.

Немцы всё ближе и ближе. Всё сильнее сжимает Володя ложе карабина. Почему нет команды, почему никто не стреляет?

Ещё минута, другая и гитлеровцы подойдут совсем близко!..

И вдруг короткое, но твёрдое: — Огонь!

Володя не слышал выстрела своего карабина. Он слился вместе с дружным треском пулемётов и автоматов. Мальчик только почувствовал лёгкий толчок в правое плечо и одновременно увидел, как

шлёпнулся со всего размаху правофланговый.

Упали и остальные гитлеровцы — кто, подкошенный пулей, кто, спасаясь от неё. Но красноармейцы не прекращали огня. Они расстреливали тех, кто полз и бежал короткими перебежками, чтобы не допустить их к форту. Ведь в рукопашной схватке тяжело будет устоять перед такой лавиной здоровенных гитлеровцев. И фашисты не выдержали, покатились назад.

Володя облегчённо вздохнул. Рядом с ним кто-то тоже сильно вздохнул. Трубач повернул голову и увидел пожилого усатого пулемётчика. Тот, старательно вытирая пилоткой лицо, тоже глядел на него.

— Ты откуда такой взялся? — спросил пулемётчик.

— Я в госпитале был, помогал там. А теперь здесь... отпустили на два часа...

— Страшно? — в глазах пулемётчика заиграли хитроватые огоньки.

— Нет, — сказал Володя.

— У меня вот тоже пропал страх, — уже совсем серьёзно проговорил пулемётчик. — Ненависть его начисто вытеснила...

И вдруг без всякой связи с предыдущим попросил:

— Ты б воды принёс, сынок. Хлопцы от жажды пропадают. Она, проклятая, сильнее фашистов донимает.

Принести воды! Легко сказать. А вот где взять её, воду? В госпитале тяжелораненым и то дают по капле, не больше, а сами врачи и сёстры, так те почти совсем не пьют. И всё потому, что в первую же бомбёжку фашисты уничтожили водопровод.

Чтобы добраться к Муховцу или Бугу, особенно днём, и думать нечего. Вся местность простреливается.

Володя знал, что отдельные смельчаки ходят к Муховцу и не без успеха. Значит, и он может сходить.

— Я вам, когда стемнеет, принесу воды, — пообещал Володя.

Медленно наступают в июне сумерки. Кажется, и солнце уже давно зашло, а кругом светло и видимость такая, как в пасмурный зимний день. Но хуже всего то, что полыхают вспышки взрывов, прорезывают небо белые дуги ракет, осторожно прощупывают местность прожекторы.

Долго лежал в укрытии Володя, ожидая подходящего момента. Вот яркий луч прожектора медленно прополз по берегу, скользнул по воде, задержался немного и снова вернулся назад. Потух, потом снова начал что-то искать на берегу и в реке. Это повторялось через равные промежутки времени.

Эти промежутки Володя и решил использовать для перебежки. Десять — двенадцать шагов сделать, потом упасть в какую-либо воронку или за камень и ждать, пока потухнет прожектор. Только бы фляжки не выдали. Их целых двенадцать и некоторые не обшиты. Могут задребезжать!

План оказался удачным. До самой речки Володя добежал незаметно. Потом лёг в воду так, чтобы на поверхности оставался один только нос, и одну за другой начал наполнять фляжки.

Обрадованный успехом, назад пробирался не очень осторожно. И когда до прикрытия оставалось каких-нибудь пятнадцать — двадцать шагов, по нему внезапно скользнул и замер луч прожектора. Еле успел Володя броситься на землю, как, захлёбываясь, застрекотал пулемёт, потом одна за другой взорвались рядом три мины.

Мальчик лежал ни жив ни мёртв. В ушах звенело, болела голова, руки и ноги почему-то стали непослушными. Володя попробовал подняться и тут же упал без чувств.

Очнулся он оттого, что кто-то провёл влажной рукой по его лицу.

— Фашисты! — резанула память страшная мысль. Володя рванулся, но на него цыкнули.

— Лежи, не двигайся! Мы — свои, — шептал голос. Но в этот момент пробежал луч прожектора. Трубач всё-таки успел заметить лицо говорившего: это был лейтенант, которого Володя встретил в первый день войны.

— Ползти сможешь? — спросил лейтенант.

— Кажется, смогу.

И вот они втроём — впереди лейтенант, за ним Володя, а сзади пограничник — поползли к крепости.

Через полчаса Володя был около Восточного форта. Светлело. Было почти тихо. Только изредка доносились одиночные выстрелы или короткая пулемётная очередь.

Володя нашёл пулемётчика и протянул ему фляжку:

— Вот, пейте...

Пулемётчик осторожно, будто бесценный клад, взял в руки фляжку, подержал немного и поднёс к губам. Закрыв глаза, он сделал несколько глотков.

— Ух, ты! — потрескавшиеся губы его растянулись в счастливой улыбке. — Ну, теперь меня надолго хватит. Берегись, фашистский гад! — погрозил он большим, но очень худым кулаком в сторону врага.

— Вы пейте, пейте ещё, — попросил Володя.

— Спасибо, сынок. Доброе у тебя сердце, — сказал пулемётчик. — Только, знаешь, есть у наших людей такая поговорка: один съешь хоть вола — одна хвала. И другие пить хотят. Вот и отнеси им. А с меня пока хватит.

От красноармейца к красноармейцу переходил Володя и подносил каждому из них флягу. Люди брали её дрожащими от нетерпения руками, припадали к горлышку, но, как правило, сделав два — три глотка, отрывались и, протянув фляжку назад, просили:

— Неси дальше. Там тоже хотят пить...

Володя наблюдал за всем этим, и ещё бóльшая гордость поднималась в его маленьком горячем сердце за наших советских людей. Вот какие они — дружные, славные, как родные братья! Ни один не выпил до дна. А страшная жажда мучила всех...

Когда Володя возвратился назад, было совсем светло. Начиналась очередная атака.

Беспрерывно били пушки и миномёты, один за другим пикирова-

ли бомбардировщики, бросая на форт сотни килограммов смертельного груза. Отстреливаться не было никакого смысла, и защитники форта лежали неподвижно в укрытиях.

После артналёта и бомбёжки Володя осторожно поднял голову

и посмотрел на усатого пулемётчика. Его лицо было в крови.

— Вы ранены? — испуганно крикнул он.

— Да, сынок. Побудь-ка около пулемёта, пока я схожу вниз, сделаю перевязку.

Володя с радостью согласился.

Ещё бы! До этого времени он был фашистов с обыкновенного карабина. А сейчас в его руках настоящий «Максим»: пусть попробует сунуться враг!

Но враг почему-то медлил и не посылал пехоту. Дав минут пять передышки, снова начал сумасшедший артоналёт. Снаряды рвались по всему форту. Один из них упал рядом с пулемётом. Володя увидел только большой сноп пламени и... полетел куда-то в тёмную бездонную пропасть...

...Володя поднимает тяжёлые веки. Над ним усатое знакомое лицо, вокруг тоже лица — худые, измученные. Они кивают влево, вправо. А за ними — чужие, в мундирах лягушачьего цвета.

— Немцы!

Володя пытается подняться. Но чьи-то руки крепко держат его.

— Лежи, лежи...

Это говорит усатый пулемётчик. Он несёт Володю на руках...

Позже, когда Володя немного поправился, пулемётчик рассказал ему обо всём, что случилось. Взрывом снаряда Володю сильно контузило, и стрелять он не мог. Но когда к пулемёту подбежали фашисты и хотели забрать его, мальчик бессознательно уцепился за ручки и никак не хотел их выпускать. Гитлеровец замахнулся на него штыком. Но в этот момент подошёл пулемётчик и подхватил Володю на руки. Так они и ещё несколько красноармейцев попали в плен...

Через несколько дней в лагерь

привели группу военнопленных. Среди них был мальчик. Володя внимательно посмотрел на него: он показался ему знакомым.

— Где же я видел его? — вспоминал он. — Ах, да...

И Володе Казмину ясно вспомнился мирный Брест. Был один из прекрасных весенних дней. Он прогуливался с товарищами по городу. На одной из улиц, у ларька с мороженым, они заметили паренька в такой же, как и они, форме. Посмотрели друг на друга, но так и не познакомились. Кто-то из ребят тогда сказал:

— Это Петя Клыпа — трубач 333-го стрелкового полка.

Больше мальчики в мирные дни не виделись. И вот встреча...

— Петя?

— Володя?

— Что думаешь делать?

— Бежать. А ты?

— Тоже!

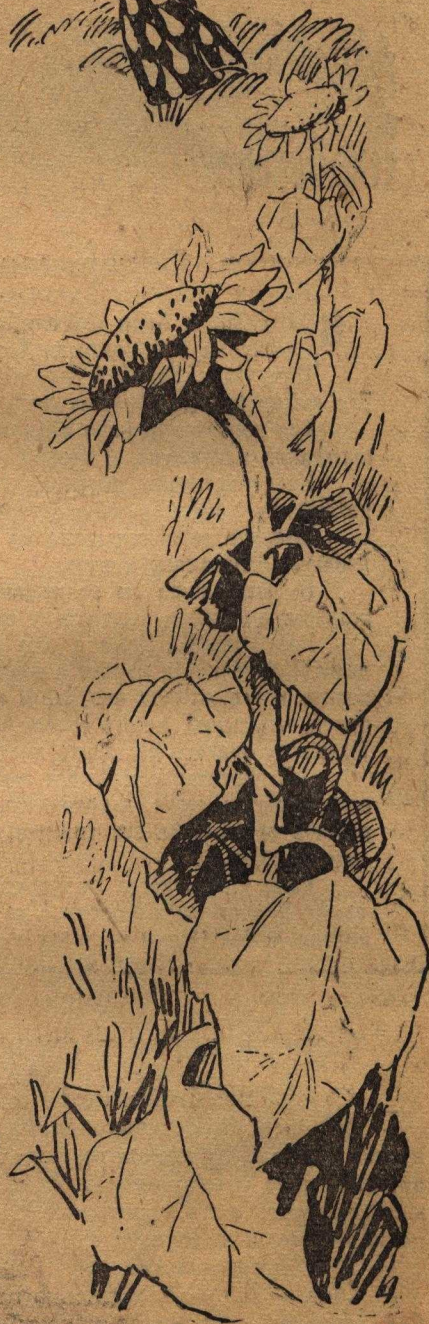
И две мальчишечьи руки соединились в крепком пожатии.

...1943 год. По чуть приметным лесным тропинкам, ориентируясь по солнцу и звёздам, идут на восток два худеньких, оборванных мальчугана. Тяжело, голодно. Но желание попасть на Родину сильней всего.

Чем кончится этот, уже восьмой или десятый побег из фашистской неволи?

Тихо, осторожно идут по глухим тропинкам два мальчика, два маленьких героя. А где-то впереди уже слышен волнующий гул советской артиллерии. Наши наступают!

ЯЧМЕНЬ

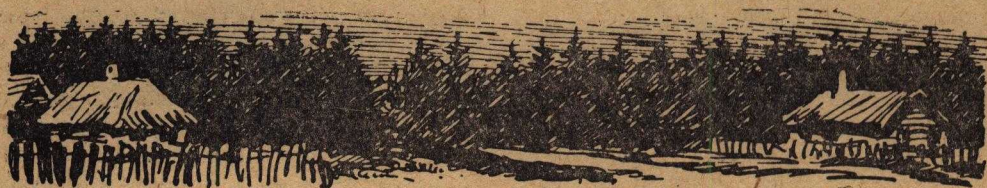
ЛЕН

ПОДСОЛНЕЧНИК

Рис. Е. Гороховой

НЕДРЕМЛЮЩИЙ ЛЕС

(Главы из повести)

Содержание предыдущих глав

ВОЛОДЬКА и Коля Гайшик во время оккупации фашистами Брестской области собирали для партизан брошенное оружие.

Отец Коли, Василий Демьянович, до войны был председателем сельского совета. Его выдал врагам односельчанин Козич.

Еле живым вернулся Василий Демьянович из фашистского застенка. В его дом приходили партизаны, и хозяин, чем мог, помогал народным мстителям.

Коле партизаны поручили доставить листовки в соседнее село Ивацевичи, где находилась немецкая комендатура.

Мальчик завернул листовку в непромокаемую ткань, опустил их в бидон с молоком и отправился в путь.

В Ивацевичах он неожиданно встретил предателя Козича. Козич обрадовался встрече: он решил выведать у мальчика какие-либо сведения о партизанах.

Козич привёл Колю к себе в дом. Узнав, что мальчик привёз молоко для продажи, Козич купил молоко и велел Варваре — хозяйке дома, где жил Козич, — перелить его в другую посуду. А ведь в бидоне с молоком спрятаны листовки! Коля думал, что погиб, но его спасла Варвара. Она сделала вид, что не заметила свёртка. Мальчику удалось доставить листовки по назначению.

...В партизанском лагере жизнь текла обычным порядком. Каждый день прибывали в лагерь люди, а вооружать их было нечем. Надо было во что бы то ни стало достать оружие. За это трудное дело взялись партизан Сергей и его юный помощник Ванюша.

Рано утром, когда лагерь ещё спал, Сергей и Ванюша вышли на лыжах в разведку. Впереди шёл Ванюша с двустволкой за плечами, за ним Сергей. В кармане его куртки лежал Колин пистолет с двумя патронами.

Сергей держит слово

— **ЗАКУРИМ**, Ванюша!

Сергей остановился, воткнул в снег палки и на концы их надел рукавицы. Потом, откинув полы белого маскхалата, сшитого из простыней, пошарил по карманам и вздохнул:

— У тебя табак есть?

— Нет, — Ванюша, медленно переступая лыжами, повернулся к нему лицом.

На снегу из следов образовался аккуратненький веер.

— Забыл взять?

— Не курю.

— А я вот забыл... Такая, понимаешь, досада!..

Сергей соврал. Он был тоже некурящим. Просто захотелось отдохнуть!..

Третий час пробирались они лесом. Впереди неизменно шёл Ванюша. Под его лыжами, хрустя, оседал чуть подмёрзший наст. Иногда лыжа проваливалась глубоко в снег, Ванюша приоста-

Продолжение. Начало см. №№ 2-3—7.

навливался и вытаскивал её, подымая нгу так, что, чуть не касался коленом подбородка.

Первый час Сергею хотелось говорить. Так бывало с ним всегда в минуты возбуждения.

В детстве, когда мать уходила на работу в ночную смену, маленький Серёжка оставался один. Он лежал в своей постели, свернувшись калачиком, и вглядывался в темноту. Темнота пугала. Привычные предметы меняли форму, становились таинственными, оживали. Висящая на стене тарелка с нарисованным посередине синим парусником казалась чьим-то бледным лицом. Комод превращался в тушу неведомого зверя. Старый чайник на столе и пёстрый мамин фартук возле двери становились одной причудливой фигурой человека. И всё это шевелилось, подмигивало, всматривалось в Серёжку, перешёптывалось — он ясно слышал шёпот. Серёжка знал: если зажечь свет, вещи снова станут самими собой. Но для этого надо было вылезти из кровати, пройти по скрипящему полу до двери и, поставив стул, повернуть выключатель. Это не так-то просто, когда кругом всё тебя подстерегает.

Чтобы заглушить страх, Серёжка начинал громко говорить.

Таинственные существа переставали шептаться. Они слушали. Первое время он говорил, не задумываясь, всё, что придёт в голову. Читал стишки, выученные в детском саду, пересказывал слышанные сказки, даже иногда тихонько напевал несложные песенки, вроде «Ка-

равай, каравай, кого хочешь выбирай». Но потом в Серёжкиных ночных разговорах появилась выдумка, и они приняли определённое направление. Он решил запугивать таинственных слушателей. Подвиги сказочных героев стал приписывать себе. К рассказам добавлял присочинённые на ходу подробности, вроде двух медведей: одного он храбро убил палкой, а другой сдался ему в плен. Теперь уже не Серёжке, а слушателям его становилось страшно, и они не мешали ему засыпать. В конце концов он так уверовал в свою храбрость, что однажды встал с постели, пробежал босиком до двери, подставил стул, трижды зажгё и погасил свет и победителем вернулся в кровать.

А привычка говорить в минуты возбуждения осталась.

Позже, в школе, в дни экзаменов Серёжка приходил задолго до их начала, слонялся по школьному двору и приставал ко всем с нелепыми разговорами. Ребята, занятые последним торопливым и, в сущности, уже не нужным повторением, сердились на него. И никто не понимал, что Серёжка волнуется не меньше и, разговаривая, умиротворяет это волнение.

В Военно-артиллерийском училище Сергей не раз получал наряды вне очереди и лишался драгоценного увольнения в город за излишнюю болтливость. Он постепенно научился сдерживать себя, но привычка разговаривать не исчезла.

И в это утро, когда они вдвоём с Ванюшей уходили на добычу оружия, возбуждение давало себя знать — очень хо-

телось поговорить. Но спутник оказался молчаливым. Сергей даже немного сердился на него за это. И всё-таки на ходу рассказывал ему об Урале, о родном городе, в котором родился и жил, о самоцветах величиной с голову слона, о том, как хвалил его строгий командир училища за отличную стрельбу.

Ванюша слушал его, то сдвигая брови, то чуть приметно улыбаясь одними

уголками сухих, обветренных губ. Но Сергей видел только его белую спину.

Оба порядком устали, но ни один из них не признался бы в этом другому. Они будто испытывали выносливость друг друга. Постепенно Сергей умолк. Разговаривать стало трудно. Надо было беречь дыхание. Когда уже совсем стало неважно передвигать ноги, Сергей придумал эту уловку с табаком.

Ванюша тоже обрадовался остановке. Он не был опытным лыжником, да к тому же и шёл всё время впереди, как знающий дорогу. Ещё немного и он сам остановился бы.

— Да-а... — лениво протянул Сергей. — Нехорошо у нас получилось с табаком. Не знал я, что ты некурящий, — он немного помолчал и добавил: — А, может, оно и к лучшему! Бросать надо. Доктора говорили — свирепый яд этот табачище.

Ванюша промолчал.

— Бот что, — сказал Сергей строго, — нам спешить особо некуда. Надо силы беречь. Передохнём. Ясно?

Ванюша кивнул.

— На следующем привале подзаправимся. И веди так, чтобы к вечеру на место поспеть, к селу. Там разведем, что к чему. Вот так, Ванюша.

К вечеру они вышли на опушку. Впереди раскинулось поле, за полем — небольшой посёлок, десятка в два домов, меж голых высоких тополей и приземистых яблонь. Было ещё светло, и снег в поле ослепительно сиял. Только от села к лесу, чуть извиваясь, тянулась голубовато-серая лента — дорога.

Метрах в двухстах виднелся между лесом и селом небольшой мост через замётённую снегом речушку.

— А ну, подойдём-ка к дороге, — предложил Сергей. — Может, кого встретим из жителей, — порасспросим. А нет, — отсидимся до темноты — и айда в село.

Они, с трудом передвигая уставшие за день ноги и прячась за деревья, осторожно двинулись к дороге. Не доходя до неё нескольких метров, Сергей остановился. Меж деревьев темнели колеи. Справа, между лесом и деревней, виднелся плоский деревянный мост.

— Здесь остановимся, — скомандовал Сергей. — Хорошее место: нас с дороги не видать, а они у нас, как на ладони.

Дорога была пустынна. Кругом стояла тишина. Но Ванюша понял, что «они» — это враги, которые могут вдруг появиться на дороге. И стало немного жутковато от предчувствия возможной встречи. Никогда раньше Ванюше не приходилось вот так, лицом к лицу, биться с врагом. Даже в детстве, когда мальчишки шли стенкой на стенку на ребят соседней деревни, Ванюша старался уйти от столкновения, от драки. И не потому, что он боялся или был слабее других. Нет. Он был здоровым мальым, с большими, крепкими кулаками, и не дрогнул бы, встретив в лесу медведя. Просто он не любил драться, был незлобив и предпочитал дракам весёлую борьбу «по правилам, без подножек» где-нибудь на полянке, поросшей густой травой.

Недавно, когда немцы стали отнимать у него лошадь и сани, он пальнул им в лица из дробовика не задумываясь и тотчас, вдруг испугавшись, неистово хлестнул лошадь и погнал её прочь. Все дни думал Ванюша над тем, что произошло. Немцев было не жаль. Они получили по заслугам. Но он понимал, что время борьбы «по правилам, без подножек», где-нибудь на травке, прошло, встречи с врагом, лицом к лицу, не избегнуть. Враг не даст покоя, он будет грабить, мучить, стрелять. Значит, нужно стиснуть зубы и бить его без пощады, без раздумья. И никаких «правил».

В первые дни войны Ванюша просился в отряд, не совсем отчётливо понимая, что он там будет делать. Просто хотелось уйти вместе со всеми в лес. Теперь он знал и своё место в отряде и свою цель.

И всё-таки страшновато было с непривычки лежать на снегу, прячась за ельником, и ждать встречи с врагом. И стремишься к этой встрече и страшишься её.

— Гудят ноги?

Ванюша оторвался от дороги и повернулся к Сергею. Тот, сняв сапог, перематывал на ноге портянку.

— Гудят, — признался Ванюша.

— А ты переобуйся. Очень помогает. Я, когда в училище учился, в походах каждый раз на привалах переобувался. Никогда ноги не потрёшь! У меня дружок так ноги потёр — в госпиталь положили. Во, волдыри, с кулак!

Ванюша послушно начал переобуваться. Но только снял валенок, как на дороге послышался лёгкий скрип.

— Ложись! — шёпотом скомандовал Сергей.

Быстрым привычным движением натянул он сапог и лёг плашмя на снег.

Ванюша судорожно вытянулся, так и не успев надеть валенок и поджав его под себя. Маскхалаты их слились со снегом и сделали их невидимыми.

Скрип становился громче. Раздавался он со стороны леса. Оба партизана напряжённо смотрели на дорогу.

Через минуту из-за поворота появился старик в старинном рваном армяке, подпоясанном верёвкой, и в стоптанных валенках. Он тащил за собой большие сани, гружённые берёзовыми чурками. Сани скрипели, старик натужно хрипел. Видно, сани были нелёгкими. Прямо против партизан он остановился. Снял огромную рукавицу и отёр ладонью лицо, громко шмыгнув носом. Постояв с минуту, он снова натянул грудью верёвку и, крикнув, потащил сани. За спиной у него сверкнуло лезвие топора.

Сергей и Ванюша переглянулись. Потом Сергей снял маскхалат и решительно шагнул на дорогу, знаком приказав товарищу лежать тихо.

— Эй, дедушка, здравствуй!

Старик вздрогнул и быстро обернулся. В глазах его мелькнул испуг. Сергей подошёл.

— Здравствуй, дедушка, — громко повторил Сергей. — Или глуховат?

— Глуховат, глуховат, — забормотал старик и затряс головой. — Плохо уши слышат... Глуховат.

Старик прицепился к этому слову и бормотал его на все лады, вздыхая и причмокивая. Маленькие бесцветные глазки его слезились.

— Далеко ль до Ивацевичей? — громко спросил Сергей.

— Чево?

— До Ивацевичей далеко ли?

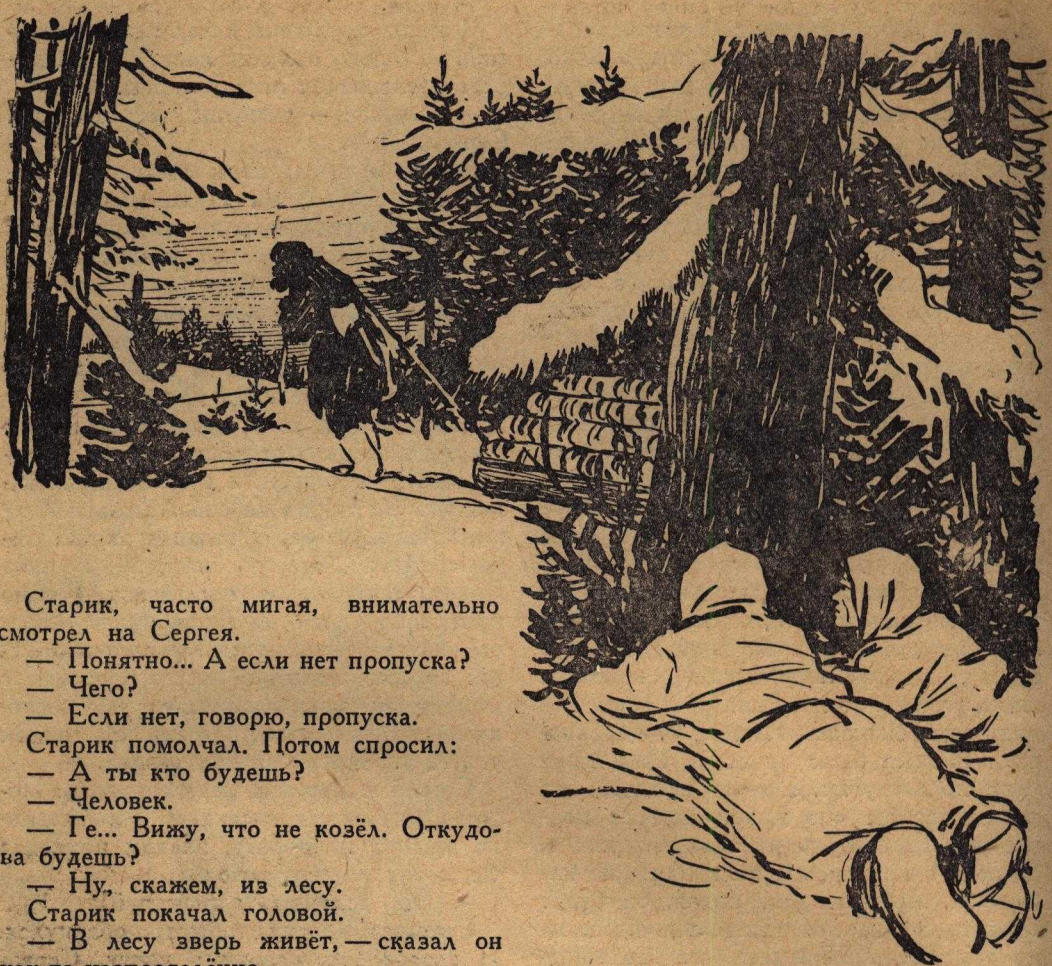
— Не-ет... Пропуск есть? — вдруг спросил старик.

— Какой?

— А по дорогам шататься.

— Ну, скажем, есть.

— Тады скоросенько дойдёшь! Через село, на шаше и верстов тридцать! А, може, солдаты подвезут, если какое дело имеешь.

Старик, часто мигая, внимательно смотрел на Сергея.

— Понятно... А если нет пропуска?

— Чего?

— Если нет, говорю, пропуска.

Старик помолчал. Потом спросил:

— А ты кто будешь?

— Человек.

— Ге... Вижу, что не козёл. Откуда-ва будешь?

— Ну, скажем, из лесу.

Старик покачал головой.

— В лесу зверь живёт, — сказал он как-то неопределённо.

Невдалеке тихо хлопнулся о землю ком снега, видимо, с ветки. Старик повернул голову на звук и прищурился. Сергей усмехнулся:

— А ведь ты, дед, слышишь...

— Чего?..

— Семеро на одном колесе проехали.

— Аа-а, бывает, бывает. Вот так вот, лесом иди, — неожиданно сказал старик и махнул рукой, показывая направление.

— Верстов двадцать. Там тебе и Иващевичи. Только снегу, слышь, в сём годе навалило.

— Видал.

Старик сощурился:

— А в село не ходи. Без пропуска-то.

— Аль немцы стоят?

— Не немцы, но вроде... Охрана... По-своему, слышь, лопочут и по-нашему понимают, только говор чудной.

— Ясно. А чего ж они сторожат?

— Шаше. И село сторожат, чтобы не украли, — старик шмыгнул носом.

— А где же они сторожат?

— Ой, не вяжись ты ко мне! С тобой пропадёшь. Всыпят берёзовой каши...

— Я ж им не скажу!

— Кто ты знает?.. — прищурился старик. — То есть военная тайна. И на шаше стоят у села и сюда на ночь приходят. Днём-то им, слышь, всю местность видать. Поле. А на ночь сюда идут, дорогу сторожить. Аккурат к мостку. Ну, да я про то не ведаю. Моё дело дров нарубить, печь истопить. А до военных тайн я не касаемый...

Старик снова прищурился.

— Прощевай пока.

— До свиданья, дед. Спасибо.

— Не за что.

— И про меня не говори. А то найдут — схватят.

— Глуховат я, — старик улыбнулся беззубым ртом. — Да и слеповат. Окромя дороги, ничего не вижу.

Старик тронул сани, но снова остановился и обернулся:

— А своему дружку скажи, чтобы не высовывался без толку, коли в снег зарылся. Я, брат, тоже воевал в одна тысяча девятьсот пятом годе.

Старик крикнул, сдвигая сани с места, и медленно поплёлся к селу.

Сергей постоял, поглядел ему вслед. Старик не обернулся. Видно, действительно, воевал и ничем не хотел выдать неожиданной встречи.

Сергей сошёл с дороги и выругал Ванюшу:

— И чего ты, в самом деле, выперся? Немец был бы — тоже приметил.

Ванюша покраснел:

— Он же не немец.

— Всё равно. Приказано лежать тихо — лежи. Ясно?

Ванюша кивнул.

— А старик хороший! Хороший старик!.. — Сергей помолчал немного. — Вот что, давай-ка от дороги отойдём. Бережёного бог бережёт.

Краем леса они отошли от дороги по своей лыжне. Залегли в снег и разработали подробный план предстоящей операции. Собственно, разрабатывал Сергей, а Ванюша только кивал головой, соглашаясь. План был дерзок.

Начало темнеть. Сергей поднялся, позвал руку Ванюше и, пригибаясь, пошёл в поле. В сумерках даже Ванюша потерял его из виду. Когда Сергей исчез, он встал и, прихватив лыжи товарища, пошёл к дороге, на то место, где они встретили старика.

Сергей дошёл до замёрзшей речки, провалился по пояс в снег. Пожалел, что не прихватил лыж. Но возвращаться за ними не было смысла. Быстро темнело. Сергей торопливо пошёл к мосту. Путь был нелёгкок. Добравшись до моста, Сергей забрался под него. Пришлось пригнуться — мост был низок. Под мостом он утоптал небольшую площадку, сел на корточки и весь превратился в слух.

Он не мог сказать, сколько он сидел так, может, час, а может, два. Стало холодно. Небо вызвездило. Яркие звёзды мерцали. Вокруг луны вычертился молочно-голубой обруч. К морозу. Порой на звёзды и луну набегали облака. Сергей был бы рад, если бы они закрыли их вовсе. Луна и звёзды были ни к чему. А, впрочем, пусть светят. Не беда.

Наконец в морозной тишине раздался скрип шагов к говор. Несколько человек шли со стороны села. Шли уверенно, не боясь шуметь. Слов Сергей не мог разобрать. Когда говорящие подошли ближе, Сергей понял, что они говорят на каком-то непонятном языке. «Лопочут по-своему», — вспомнил он слова старика. — «Не выдал ли старик? Нет. Они бы не шумели так, если бы ожидали за-сады».

Шаги проскрипели над самой головой. Люди прошли через мост.

Сергей осторожно выглянул и увидел спины троих в солдатских шинелях, с поднятыми воротниками, повязанными у шеи шерстяными шарфами. У двоих автоматы болтались за плечами. У третьего, очевидно, висел на груди.

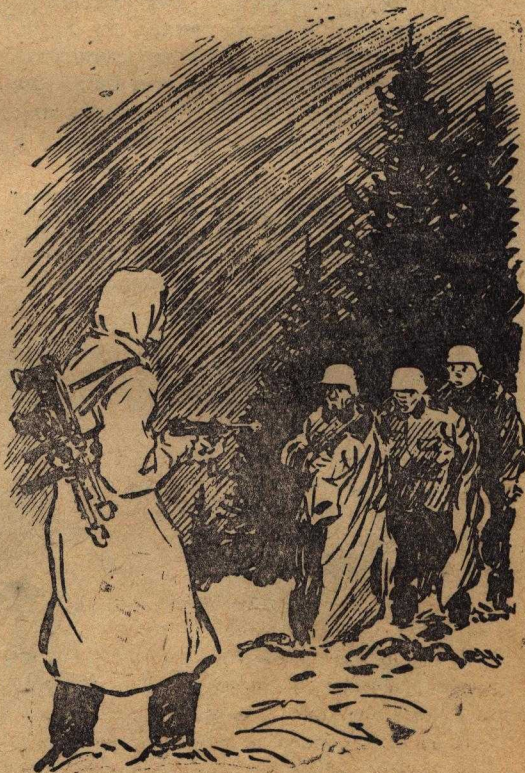
Сергей высунулся из-под моста и решительно крикнул:

— Хальт! Стой! Руки вверх! Вы окружены!

Солдаты растерянно остановились и затоптались на месте.

— Руки вверх! Стреляем!

— О-о-о! — завопил один из солдат, подымая руки. — Не стреляйте! Не стре-

ляйте! Мы — мирные солдаты. Мы есть мобилизованные.

Все трое стояли, подняв руки.

— Бросай автоматы! — скомандовал Сергей.

Первым бросил автомат тот, что кричал. Остальные последовали его примеру.

— Гранаты, пистолеты есть?

— О-о-о! Нет, нет. Только это!

— Смотри, — грозно сказал Сергей. —

Если обманываешь, — пристрелю.

— О-о-о! Нет, нет.

— Пять шагов назад!

Солдаты, прижимаясь друг к другу и не сводя глаз с Сергея, попятились.

— А ну, повернись лицом к лесу!

— О-о-о! — простонал всё тот же солдат.

— Повернись, а не то стреляем!

Солдаты съёжились и повернулись, стараясь спрятаться друг за друга, чтобы первая пуля, если будут стрелять, досталась другому.

Сергей выскочил на дорогу, рысью прыгнул к автоматам, схватил их, два перебросил через плечо, а третий навёл на солдат.

— А ну, повернись ко мне!

Солдаты повернулись. Вышла из-за облака луна, и Сергей увидел их лица, бледно-голубые, искажённые смертельным страхом. Конечно, можно было бы и пальнуть, но Сергей не выстрелил. Выстрел всполошил бы тех, что сидят в селе.

— Ну, счастлив ваш бог, что живы остаётесь. В другой раз шкуру спущу, «мо-би-ли-зо-ван-ные»! Крови народной попить захотелось? Я те попыю!.. А ну, снимай шинели!

Солдаты торопливо стали разматывать шарфы.

— Быстрее, быстрее!

Некогда мне тут с вами канителиться! Меня вон целая рота в кустах ждёт.

Солдаты скинули шинели, со страхом глядя то на лес, то на Сергея.

— Теперь — сапоги!

Солдаты замешкались.

— Кому говорю. Рота! — скомандовал Сергей. — На изготовку!

— О-о-о! — завыл солдат. — Не надо, не надо. — Он всхлипнул.

Сергею стало противно.

— Снимай сапоги! Быстро!

Солдаты сели на снег, помогая друг другу, сняли сапоги.

— Штаны!

Повторять команду не пришлось. Через минуту солдаты стояли перед Сергеем в одном нижнем белье, подпрыгивая на снегу.

— Вы наших так гоняете, теперь сами попытайте, почём фунт лиха. Скажите там вашим, чтобы в лес не совались! Это лес наш. Партизанский! Ясно? А ну, в село — бего-ом!

Солдаты побежали по дороге к селу, то и дело оглядываясь и ожидая пули в спину. Но Сергеем было не до них. Он быстро обшарил гимнастёрки, вытащил документы, бросил одежду под мост и, прихватив сапоги, заспешил к лесу.

Ванюша вышел навстречу. Сергей передал ему две пары сапог и автомат. Ванюша глядел на товарища во все глаза. Вот это человек! С таким он пойдёт в огонь и в воду.

Они стали на лыжи и торопливо отправились в обратный путь.

Погони не было. Трое посиневших солдат, прибежав в село, стуча зубами, рассказали о том, как на них напал большой отряд партизан, не меньше роты.

И два взвода латышей, сформированные гитлеровским командованием в Латвии из остатков фашистской пятой ко-

лонны и уголовников, залегли на краю села, ожидая нападения.

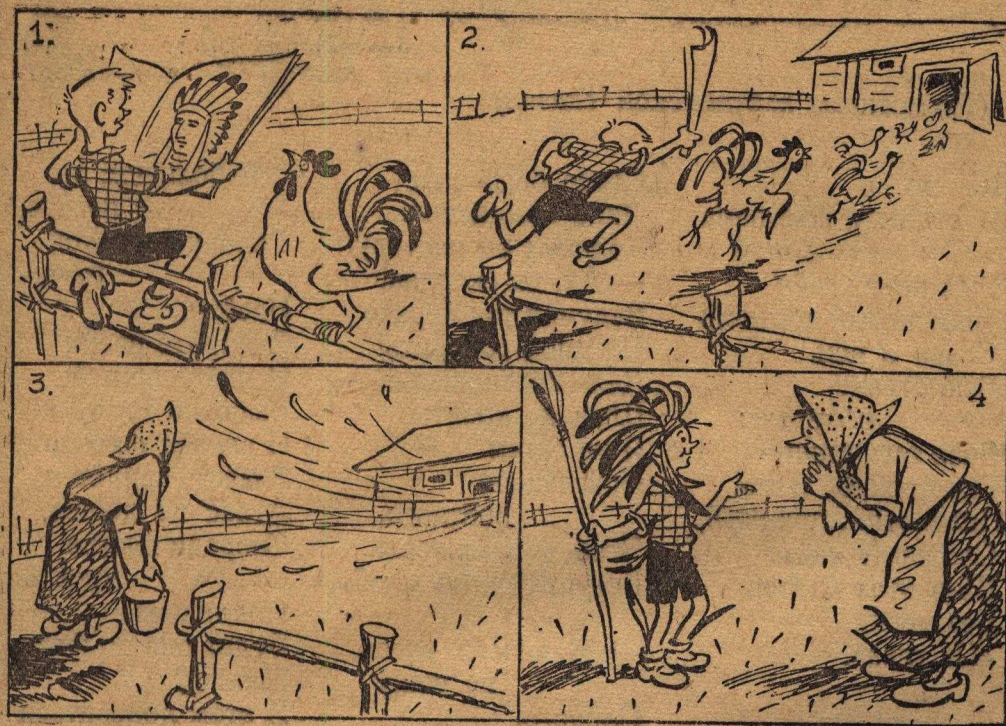
А в тёплой избе сидел старик, щурил глаза и время от времени довольно хлопал себя по коленям и улыбался беззубым ртом.

«Продолжение следует»

ЕДУ НА КАРНАВАЛ

Рассказы в рисунках К. БЕКТАШЕВА

ДОРОГОМУ ДРУГУ

Мудрый портной

(По мотивам вьетнамской сказки)

Как-то
В столицу Вьетнама
Ханой
Был приглашён
Знаменитый портной.
Слава о нём
Всю страну
облетела:
Знал он отлично
Портняжное дело.
Даже ответственный,
Сложный заказ
Шил этот мастер
Без мерки,
«На глаз».

Вызвали раз
К мандарину
портного:
Срочно нужна
Мандарину
Обнова.

— Вот, — говорит
он, —
Атласа кусок.
Платье сошьёшь мне
В назначенный срок?

— Сшить я могу
Превосходное
платье, —
Мастер ответил, —
Но должен узнать я,
Прежде чем взять
Ваш почётный
заказ...

— Что?..
— При дворе вы
В почёте сейчас?

Стало багровым
Лицо мандарина.
Крикнул он мастеру:
— Ах, ты скотина!
Вздумал так дерзко
Со мной говорить!
Дело портновское —
Шить да кроить!
Я не затем
Приглашаю
портного,
Чтоб в разговоры
Вступал он со мной!

— Я ничего здесь
не вижу
Плохого, —
Скромно сказал
Знаменитый
портной. —
Если, допустим,

В большом вы
почёте,
Голову поднятой
гордо
Несёте,
Смотрите вверх
И идёте притом,
Выпятив грудь
И вперёд животом,
Значит, придётся,
Атлас не жалея,
Спереди платье
кроить
Подлиннее.
Будет оно по фигуре
Вполне,
В этом довериться
Можете мне!
Если же вдруг
Вы попали
в немилость,
Если осанка у вас
Изменилась,
Если спина
Изогнулась дугой,
Выбрать фасон
Нам придётся

другой:
Чтобы фигура
Казалась стройнее,
Спинку у платья
Сошью я длиннее.
Платье приличное
выйдет

Вполне.
В этом довериться
Можете мне!

Настоящий хозяин

(По мотивам индийской сказки)

Как свора голодная
Диких собак,
На город
Напал неожиданно
враг.

Решили обдумать
Купцы-богатеи,
Как город
Спасти от напасти
вернее...

Один говорит:

— Если город
родной

Окружим мы толстой
Кирпичной стеной,
К нам враг ни за что
Не сумеет

пробиться!

— А где взять
кирпич?

— Мой вполне
пригодится.

Охотно продам я
кирпич

Хоть сейчас,
Он будет надёжной
защитой

Для нас!

— Ну, нет! —

Возмутился
Торгующий лесом. —

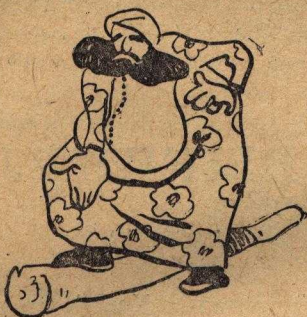
Признаться,
Я выслушал вас

С интересом,
Но стены такие
Врагу нипочём.

Нет, города нам
не спасти

Кирпичом!

Надёжнее будет
Из брёвен ограда.

— Где ж брёвна?

— Об этом вам
думать не надо.

Вы только скажите,
И тотчас я вам
Все брёвна свои
По дешёвке

продам! —

Тут третий

вмешался:

— Подумайте сами,
Зачем окружать нам
Весь город лесами?
Ведь цены на брёвна
Весьма высоки...

— А что ты
предложишь нам?

— С хлопком тюки!

Потом и другие

купцы

Говорили,
Товары свои,
Не стеснясь,

хвалили,

Совсем позабыв
О напавшем враге,
Лишь помня
О толстом своём
кошельке.

До вечера

Спор торгашей
продолжался.

Тем временем

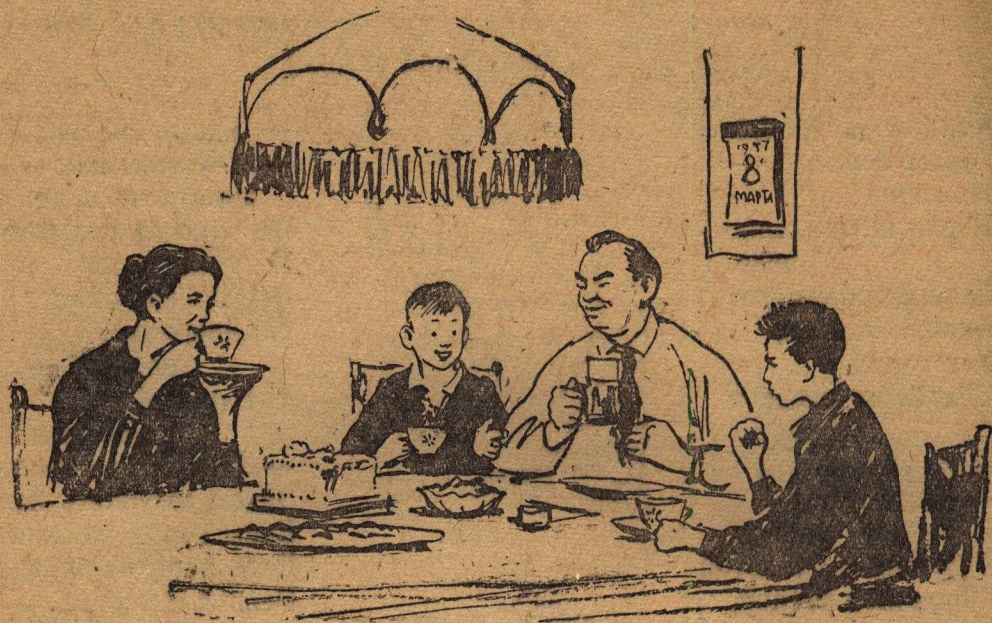
В город
Противник ворвался.

Но тут
Настоящий хозяин —

Народ —

Поднялся
И выгнал врага
Из ворот.

Обработка Н. САДОВОГО

Генька выкинул номер

РАССКАЗ

ПАПА говорит, что всё это произошло из-за дурацкой речи. Мама же во всём обвиняет соседа Ивана Лукича, который будто подбил нашего Геньку выкинуть этот номер. И ничего-сечки-то они не знают, хотя и взрослые!

Представляю себе, как бы изумились мои родители, если бы я им вдруг заявил, что во всём виноват обыкновенный перочинный ножик. Тот самый, который папа восьмого марта торжественно вручил Геньке.

Мой папа очень весёлый. Он всё время шутит, смеётся. Так и тогда за праздничным столом он разыграл Геньку. Посмотрел на него, потом подмигнул мне и говорит: «Валерий, я, кажется, опять запямятовал и поздравил Геньку не с днём рождения, а с международным женским праздником... Ты не помнишь?» Мы все засмеялись, а Генька разозлился и тихонько показал мне кулак. И чего, спрашивается, злитесь?

Как будто я виноват, что его угораздило родиться 8 марта!

Папин подарок Геньке очень понравился. Целый вечер он вынимал из кармана ножик и щёлкал сверкающими лезвиями. Несколько раз подходил я к брату и, равнодушно взглянув на ножик, отходил в сторону, так как видел по Генькиному лицу, что подержать его он мне всё равно ни за что не даст. Всегда так получается: взрослые пошутят, а младший брат отдувайся...

А потрогать ножик хотелось всё больше и больше. Генька же, явно поддразнивая меня, стал вырезать острым, как бритва, лезвием свои инициалы на моём старом пенале. И тут в голове возник план. Я побежал в папин кабинет, собрал все карандаши. Они, как назло, оказались остро очиненными. Недолго думая, обломал стержни, подошёл к Геньке и с озабоченным видом попросил на минутку нож. зачинить карандаши.

Генька рассеянно посмотрел в мою сторону, как будто перед ним было пустое место, и проговорил:

— Какие карандаши?

— Папины! — внушительно заявил я и протянул руку. Однако брат не торопился отдавать ножик.

— Папины? — насмешливо переспросил он. — Интересно, когда же они успели обломаться? Полчаса тому назад я сам очинил все карандаши в доме.. Ну и шутник же ты, Лерка!..

Чуть не плача от обиды, я круто повернулся и выбежал из комнаты. Сквозь смех брат крикнул вдогонку:

— Эй, свисток, куда помчался? Иди сюда, так и быть дам тебе ножик...

Но я не вернулся. Затаив в сердце обиду, достал из сумки бритву и, порезав с досады палец, заново очинил все папины карандаши.

В нашей семье долго ссориться не умеют. Наутро моя обида на Геньку испарилась без следа. Вернувшись из школы, я дождался его и попросил ножик. Брат вручил мне отцовский подарок, но не удержался от назидания.

— Вот так-то лучше... — сказал он. — Для того чтобы получить ножик, карандаши ломать вовсе не обязательно...

Я вприпрыжку выскочил во двор. Встретив там своего приятеля, заядлого голубятника Пашку Дадонова, не удержался и сразу же похвастался ножиком. Пашка долго щёлкал тугими лезвиями, щупал остриё, даже зачем-то понюхал костяную ручку.

— Твой? — коротко спросил он.

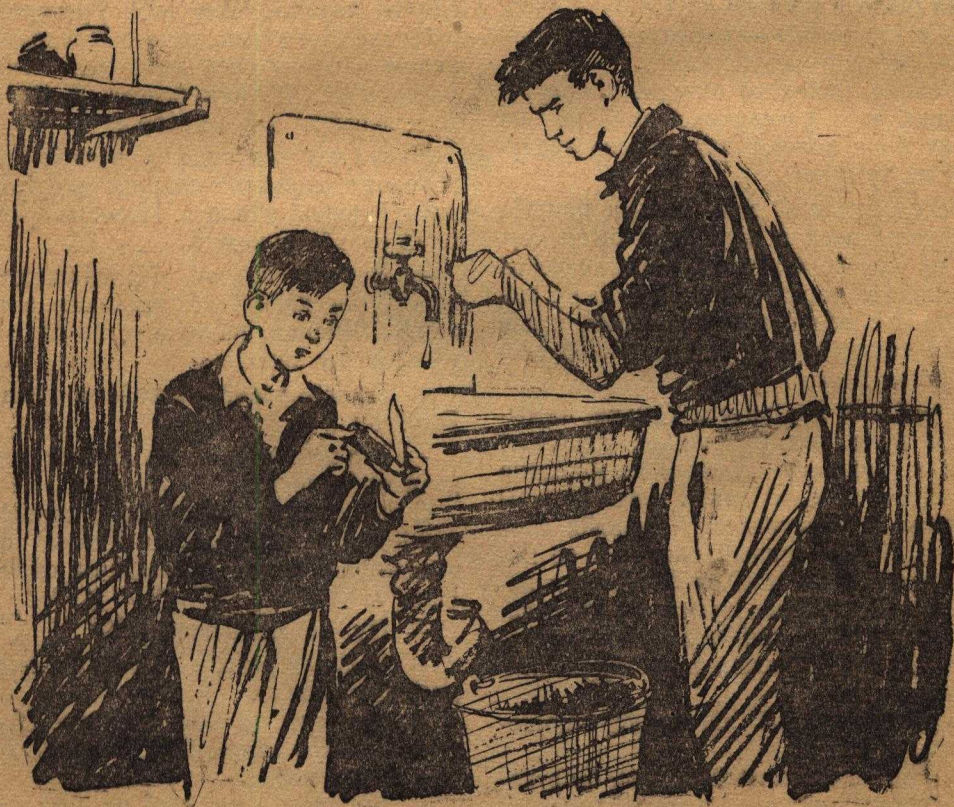
— Папа подарил, — соврал я, — за пятёрки...

— Давай меняться? — тут же предложил Пашка. — Хочешь пару голубей?

— Не могу, — в душе подивившись щедрости приятеля, отказался я, — подарки не меняют...

Пашка особенно не огорчился и заявил, что если он захочет, то его отец и без пятёрок ему такой ножик подарит. Для этого всего-навсего нужно три двойки исправить...

— Дай-ка сюда ножик, я тебе по-

кажу, как индейцы своих врагов убивают...

Пашка открыл лезвие, размахнулся и метнул нож в небольшой сарайчик, прилепившийся к стене нашего дома. Лезвие глубоко ушло в дерево.

— Здорово? — похвалился он.

Отступив на два шага дальше Пашки, я тоже с силой запустил нож в сарай. Но он почему-то не воткнулся в доску, а, жалобно зазвенев, отлетел в сторону и ударился о каменную стену. Когда я поднял его с земли, у меня ёкнуло сердце: половины лезвия как не бывало, костяная ручка треснула.

Пашка деловито осмотрел искалеченный ножик и сочувственно заметил:

— Ну и влетит же тебе!

Я с ненавистью посмотрел на круглое, с вытаращенными глазами лицо виновника моего несчастья. Пашка всхлипнул носом, захлопал белёсыми ресницами и отодвинулся.

Генька разозлился ужасно.

— И что ты за человек? — ругался он. — На пять минут дал нож и на тебе — готово!

— Его можно починить... — попытался было я утешить брата.

— «Починить!» — передразнил Генька. — Растяпа несчастная...

Я стоял, виновато опустив голову, и ожидал, что рассвирепевший не на шутку брат вот-вот надаёт мне заслуженных тумаков...

На следующий день Генька пришёл из школы поздно. Его руки были черны, на куртке блестели металлические опилки. Но когда он посмотрел на меня, то я с облегчением заметил, что в серых глазах брата от вчерашней злости не осталось и следа.

А ещё дня два спустя Генька, намыливая руки над раковиной, подозвал меня и попросил достать из кармана его брюк нож. «Сейчас начнётся», — подумал я. Насуdivившись, извлёк злополучный перочинный ножик и не поверил своим глазам: он был цел и невредим. И только внимательно рассмотрев, обнаружил, что лезвие вставлено другое, заменена и костяная пластинка.

— В мастерской починил? — полюбопытствовал я.

— Нет, знаменитый токарь Борткевич собственноручно отремонтировал...

— Ну? — изумился я, много слышавший от папы об этом новаторе. — А как же это он...

— Вот ведь простота, — рассмеялся Генька. — Сам сделал в школьной мастерской... Угадай, кто нас учит на станках работать?

Я пожал плечами.

— Наш сосед, Иван Лукич...

Подошла пора сдачи экзаменов. Брат дни и ночи напролёт просиживал над учебниками. И всё же не забывал наведаться к Ивану Лукичу, с которым у него завязалась дружба.

Однажды при мне сосед, встретившись с матерью во дворе, сказал:

— Сынок-то твой, старшой, смыслённый в технике парень... Хороший бы из него резчик по металлу получился...

— Что вы, Иван Лукич! — замахала руками мама. — Какой ещё резчик? Он же десятилетку кончает... В институт будем устраивать...

— Учёба, оно, конечно, дело хорошее, — согласился Иван Лукич, — но ежели все пойдут учиться, то кто же работать будет? Учиться-то оно никогда не поздно... Вот твой Григорий...

После этого разговора с Иваном Лукичем у мамы весь день было плохое настроение. И, как всегда, я больше всех испытал это на себе...

Накануне выпускного вечера папе позвонил директор школы, в которой мы с Генькой учились. Повесив трубку, папа развёл руками:

— Вот так штука! Приглашают в школу рассказать выпускникам о том, как я, бывший рабочий, стал главным инженером завода...

— Ну и что же? — сказала мама. — Выступи...

— Ты же знаешь, не люблю я эти речи произносить...

С выпускного вечера папа пришёл в приподнятом настроении. Утром, когда все собрались за столом, он спросил Геньку:

— Ну, как моя речь?

— Сильная речь, — сказал Генька, — мобилизующая...

У брата что-то было на уме. Это я видел по его хитрющим глазам, простоватой улыбке.

— Видишь, а ты ещё не соглашал-

ся, — заметила мама, наливая в стаканы чай.

— Ты бы посмотрела, мать, на этих молодцов! — оживился папа. — Их и уговаривать не надо. Выступают это после меня и говорят, что, прежде чем поступать в институт, нужно поработать...

— И, знаешь, куда мы решили поехать? — с подъёмом произнёс Генька. — На Дальний Восток или в Сибирь...

— Кто это — мы? — Мама даже выронила чайную ложку.

— Как кто? Мы, выпускники.

— А как же Технологический институт? — нахмурился папа. — Ты же хотел на инженера учиться?

— Папа, ты же сам вчера говорил, что грош цена тому инженеру, который производства не знает...

— М-да-а... Вот так штука! — Папа ещё что-то хотел сказать, но молча поднялся из-за стола и ушёл в свою

комнату. Вслед за ним, грозно поджав губы, отправилась мама.

Генька пил чай и улыбался.

— Чего это ты радуешься? — подозрительно спросил я.

— Валерик, ты не болтун? — спросил брат.

— Ты же знаешь, — поспешно ответил я, — кремень.

— Так вот, кремень, это я уговорил директора позвонить папе... — Генька оглянулся на дверь и понизил голос:

— Пусть теперь попробует не отпустить меня!..

— Гень, а таких, как я, не берут туда? — спросил я дрогнувшим голосом.

Генька рассмеялся и разлохматил мои волосы.

— Нет, таким, как ты, прежде подрасти нужно. Понял?

Понять-то я понял, а всё же обидно стало, что не родились мы с братом в один день, пусть даже восьмого марта... Поехали бы вместе осваивать дальние, неведомые края...

Чудесное превращение

Сегодня мы расскажем, как разгадываются проволочные головоломки, с которыми вы познакомились в 7-м номере «Искорки», и опишем новые, ещё более интересные и трудные головоломки.

Первая головоломка решается очень просто: введите в кольцо дужки конец челнока, закиньте его на кольцо стержня, чтобы последнее оказалось «внутри» челнока, и, обведя кольцо стержня концом челнока, как показано на рис. 1, вытяните челнок обратно. Задача решена — челнок свободен.

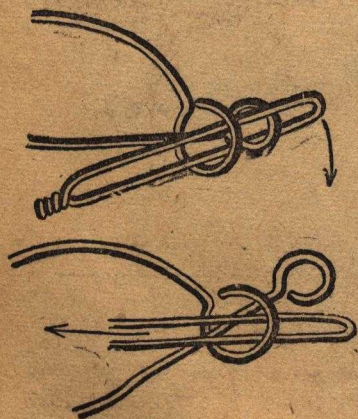

Рис. 1.

Вторая головоломка, сильно отличающаяся от первой по внешнему виду, по сути дела представляет собою её разновидность. Кольцо а можно сравнить с кольцом дужки, проволока б тогда уподобится стержню, а спиральный завиток её, заполняющий центральную часть головоломки, подобен кольцу стержня... Рассмотрите обе головоломки и убедитесь, что это действительно так. Задача решается аналогично: введите конец челнока в кольцо а, продвинув его достаточно глубоко, накиньте на спиральный завиток, обведите его концом челнока и вытяните челнок обратно.

В третьей головоломке вы теперь без труда найдёте сходство с первой: «лук» подобен дужке, «тетива» — стержню; «беда» в том, что челнок «в плену»: его держит завиток тетивы. Пролодав уже знакомую вам операцию — продев конец челнока в кольцо лука и пропустив кольцо тетивы внутри челнока, — вы вытягиваете челнок обратно и освобождаете его из плена; теперь челнок свободно перемещается вдоль те-

тивы, например, может занять положение, указанное на рис. 3 пунктиром. Чтобы вовсе освободить челнок, нужно вторично ввести его в кольцо лука, обвести кольцо тетивы и снять.

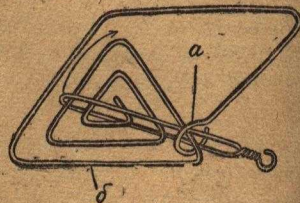

Рис. 2.

Четвёртая головоломка построена иначе. Уберите кольцо из выгиба стержня, продвинув его к одному из подвесков. Другой подвесок переместите вдоль стержня, чтобы он занял положение,

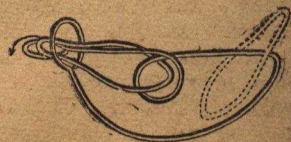

Рис. 3.

указанное на рис. 4 (внизу). Теперь перемещайте кольцо вдоль стержня, чтобы подвесок прошёл внутри кольца. Последовательные положения, занимаемые при этом кольцом, изображены пунктиром.

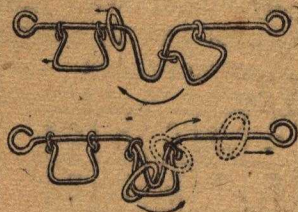

Рис. 4.

Решение пятой и шестой головоломок понятно из рисунков 5 и 6.

Головоломка «три треугольника» решается так: сложите большой треугольник, как показано на рис. 7, а средний треугольник, вместе с накиннутым на него маленьким, подведите к сочленению. Теперь маленький треугольник можно освободить; положения, занимаемые им при этом, указаны пунктиром.

Решение восьмой и девятой головоломок не вызовет затруднений: оно ясно из рисунков 8 и 9.

Рис. 5.

Десятая головоломка чрезвычайно интересна. На плоскости (т. е. на рисунке) нельзя достаточно наглядно изобразить, как она решается, однако если вы будете терпеливы и внимательны, то вам удастся привести части головоломки в положение, изображённое на рис. 10, и задача будет решена.

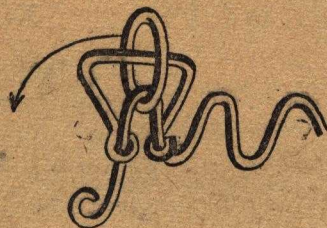

Рис. 6.

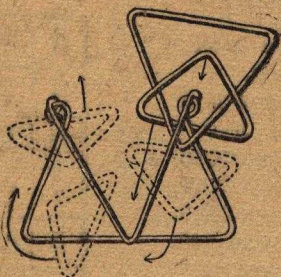

Рис. 7.

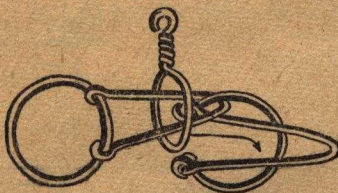

Рис. 8.

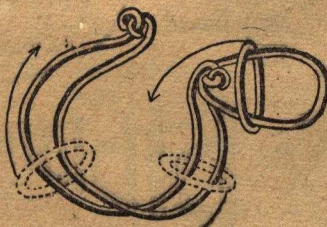

Рис. 9.

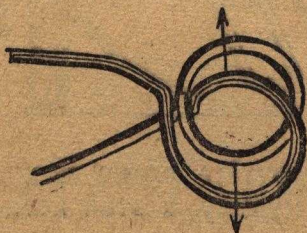

Рис. 10.

Теперь перейдём к новым головоломкам.

Первую из них (рис. 11) сделать чрезвычайно просто. Длина шнура почти не имеет значения, размеры проволочных частей — тоже. Здесь нужно освободить кольцо.

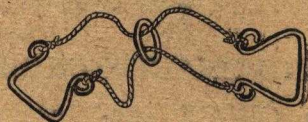

Рис. 11.

Вторую головоломку нужно изготовить, строго придерживаясь относительных размеров частей, указанных на рис. 12. Особенно это отно-

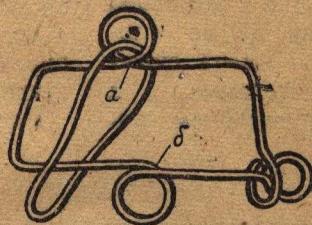

Рис. 12.

сится к длине и ширине челнока. В завитках должен оставаться зазор (а и б), превосходящий толщину проволоки, из которой сделан челнок.

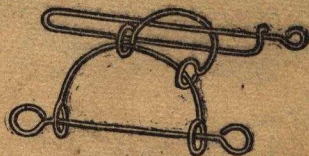

Рис. 13.

Третью головоломку (рис. 13) изготовить нетрудно, а вот разгадать её — снять челнок — это будет потруднее... Челнок нужно делать возможно шире, но при этом он должен всё-таки проходить в кольца обеих дужек.

Отдел ведёт
В. Акентьев

ХОДОМ КОНЯ

На рисунке — шахматная доска с единственной фигурой — конём... Конь должен обойти все клетки доски, не пропустив ни одной и нигде не побывав дважды. А вы проследите за «путешествием» коня — не удастся ли вам при этом прочесть что-то интересное?

КТО ЗНАЕТ БОЛЬШЕ СЛОВ?

В СЛОВЕ «фестиваль» — девять букв, причём все они разные, ни одна не повторяется дважды.

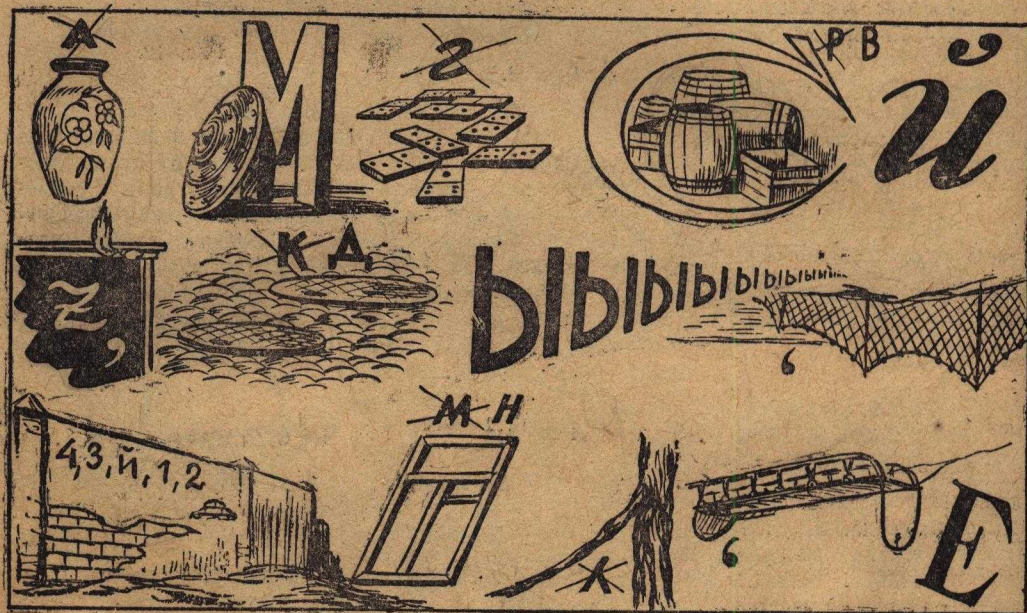
Попробуйте составить из входящих в это слово букв другие слова — имена существительные в единственном чи-

сле, но не имена собственные.

Интересно, сколько слов удастся вам составить? Очевидно, короткие слова, такие, как фа, лес, лифт, не вызовут у вас затруднений, но слова из пяти и более букв подобрать будет уже труднее.

Попробуйте!

Л	Р	С	Е	Д	С	Ь	С
У	Т	Ю	Е	Т	В	З	В
Д	Х	П	Е	Н	А	О	О
У	С	Ь	А	П	Й	О	В
З	Ц	Р	И	Н	Е	Н	А
Е	Т	Н	Я	Д	М	Е	П
Ю	У	М	И	Т	Е	З	И
♞	П	Э	М	Ы	Р	У	С

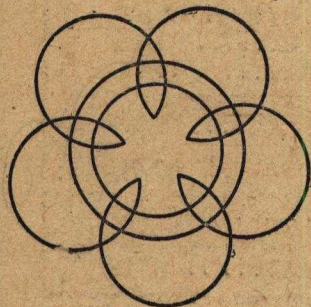

Разгадав ребус, вы прочтёте слова из хорошо известной песни. Какой композитор написал музыку к этой песне и кому принадлежат её слова?

ОДНИМ РОСЧЕРКОМ

Этот цветок напоминает эмблему Всемирного фестиваля молодёжи и студентов. Попробуйте нарисовать его одним росчерком — не отрывая карандаша, не проводя по одному месту дважды и нигде не пересекая уже проведённой линии.

Удастся вам это?

МАЛЕНЬКАЯ ВИКТОРИНА

1. Назовите рассказ А. Гайдара, в названии которого нет ни одной гласной буквы.

2. В каком произведении А. П. Чехова фамилия действующего лица состоит из «одной буквы» (которая теперь, к тому же, не употребляется)?

3. Какая буква русского алфавита в поэме А. С. Пушкина «Полтава» встречается только три раза?

4. Назовите стихотворения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, одноимённые с рассказом Н. В. Гоголя.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» №№ 6 и 7)

РЕБУС

«В целом мире нет, нет красивее Ленинграда моего»...

ПОЧЕМУ?

Закон Архимеда о весе тел, погружённых в жидкость, справедлив и для газов: тело, взвешиваемое в воздухе, легче своего истинного веса на величину, равную весу воздуха в объёме этого тела. Килограмм алюминия занимает больший объём, нежели килограмм меди, и, следовательно, он больше теряет в весе. Если весы, уравновешенные алюминием и медью, поместить в камеру, из которой удалён воздух, то чашка с алюминием опустится...

А НУ-КА, ВСПОМНИТЕ!

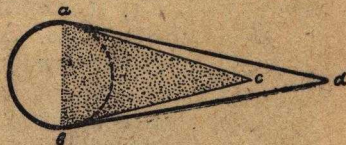
Читатели предложили заменить слово *масса* следующими словами: множество, обилие, сила, бездна, пропасть, тьма, гибель.

ВОСЕМЬ СЛОВ

Тире, уран, рагу, горн, Елена, напильник, Европа, варан.

ПОДУМАЙТЕ

Пусть изображённый на нашем рисунке шар даёт тень в виде конуса *а, в, с*. Все точки пространства, лежащие за пределами *а, в, с*, будут освещены. Теперь допустим, что здесь имеется не шар, а тело иной формы — полушар,

соединённый с конусом *а, в, с*, высота которого превышает высоту теневого конуса; тогда все точки поверхности нашего тела расположатся в освещённых точках пространства.

КРОССВОРД «ЗАГАДКА»

По горизонтали.

4. Подушка. 7. Колос. 8. Арбуз. 9. Стол. 10. Коса. 13. Веник. 14. Мороз. 16. Антенна.

По вертикали.

1. Плуг. 2. Топор. 3. Якорь. 5. Воробей. 6. Мухомор. 11. Вишня. 12. Копны. 15. Тень.

ИЗ КОЛОННЫ — В ШЕРЕНГУ

В колонне пионеры должны стоять так: два мальчика, девочка, два мальчика, три девочки.

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

Белинский, Чехов, Грибоедов, Герцен, Гоголь, Добролюбов, Короленко, Лермонтов, Ломоносов, Маяковский, Некрасов, Островский, Помяловский, Пушкин, Рылеев, Салтыков-Щедрин, Толстой, Тургенев, Тютчев, Чернышевский.

СОДЕРЖАНИЕ

Кругосветное путешествие. Стихотворение Ю. Яковлева	1
Пять лепестков. Репортаж о VI Всемирном фестивале молодёжи и студентов В. Торопыгина и И. Ефимовича	2
Гости Индии. Отрывки из лирической поэмы Н. Поляковой	12
Когда охотник поёт. Рассказ Ю. Томина	14
Крылатые посланцы. Стихотворение Гали Супоницкой	23
Перепуткин на фестивале. Л. Гаврилов и В. Суслов ..	24
Пой с друзьями! Песня композитора Д. Прицкера на слова С. Фогельсона	29
Пионерский фестиваль. Рассказы в рисунках Н. Зверева	32
Трубач 44-го полка. Очерк Е. Курто и П. Ткачёва...	34
Ячмень. Лён. Подсолнечник. Стихотворения А. Громова	45
Недремлющий лес. Главы из повести И. Туричина ..	46
Еду на карнавал. Дорогому другу. Рассказы в рисунках К. Бекташева	53
Мудрый портной. Настоящий хозяин. Сказки в стихотворной обработке Н. Садового	54
Генька выкинул номер. Рассказ В. Козлова	56
Когда идёт дождь.	60
Клуб смекалистых ребят.	62
На первой и четвёртой страницах обложки — рисунки художника Константина Бекташева.	

Редактор **М. С. ЗЫКОВА**

Адрес редакции: Ленинград, Центр.
Фонтанка, 57. Тел. А-4-54-90.

Сдано в набор 10/VI. Подписано к печати 4/IX-57 г. Тираж 75.000.
М-09625. Заказ № 1172. Формат бумаги 70 × 108¹/₃₂. Цена 1 рубль.

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Центр. Фонтанка, 57.

Ученица 7 класса 330-й школы Москвы Ира Глузман познакомилась с юной танцовщицей — школьницей из Бомбея Умой Манент.

Фото Е. Ясенова

Цена 1 рубль

